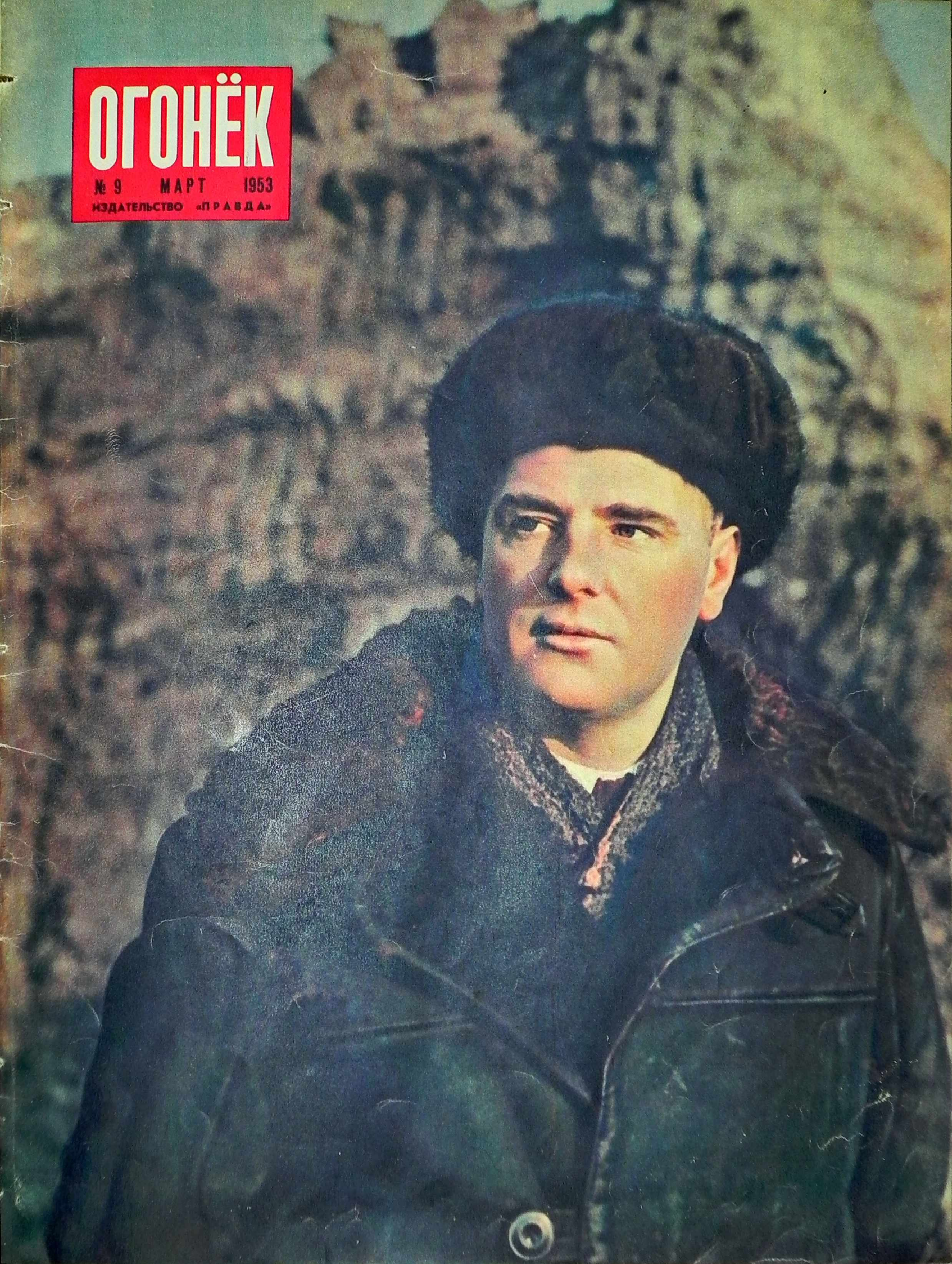

ОГОНЁК
№ 9 МАРТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Киевский весовой завод имени Ф. Э. Дзержинского производит дозировочные весы для автоматических бетонных заводов на великих стройках коммунизма.
На снимке: стахановцы-сборщики автоматических весов (слева направо) Г. М. Кречетов, Ф. М. Мушкин и М. С. Скибенко, систематически выполняющие план на 250 процентов.

Фото Н. Славина и Н. Козловского.

На первой странице обложки: На строительстве Куйбышевского гидроузла. Герой Социалистического Труда машинист экскаватора И. В. Ермоленко. Звание Героя ему присвоено за работу на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

Фото А. Гостева.

На четвертой странице обложки: Металлические мачты-опоры подвесной канатной дороги, которая свяжет строительные площадки правого и левого берегов Волги. По этой дороге будет подаваться бетон и щебень для перекрытия реки в районе сооружения здания Куйбышевской гидроэлектростанции.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 9 (1342)

1 МАРТА 1953 31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЕНАРОДНОЕ ТОРЖЕСТВО

В прошлое воскресенье состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР, Украинской, Белорусской, Грузинской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР.

Рано проснулись города и села в этот знаменательный день. Особое оживление царило в тех округах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов, где в депутаты областных и городских Советов баллотировался товарищ Сталин. На предприятиях, расположенных в этих округах, еще задолго до выборов были приняты социалистические обязательства. Производственные коллективы отметили всенародное торжество досрочным выполнением планов.

Сталинский избирательный округ города Москвы. Первый избирательный участок. При входе избиратели останавливаются у электрифицированной карты великих строек коммунизма. Здесь наглядно отражены грандиозные планы преобразования, осуществляемые по инициативе вождя советского народа товарища Сталина.

— Мы голосуем за товарища Сталина!

— От всей души отдадим свои голоса за товарища Сталина!

Так говорили рабочие Электрозавода, Трансформаторного завода, шелкоткацкого комбината имени Щербакова, а с ними многие и многие миллионы избирателей во всех уголках страны.

Выборы в местные Советы явились яркой демонстрацией морально-политического единства советского народа, его любви и преданности Коммунистической партии, товарищу Сталину.

Вверху: в Сталинском районе города Москвы. На избирательном участке № 23, где баллотировался в депутаты Московского городского Совета депутатов трудящихся товарищ И. В. Сталин. **Внизу:** село Семеновское, Ленинского района, Московской области. Избиратели идут на выборы.

Фото М. Иванова и О. Кнорринга.

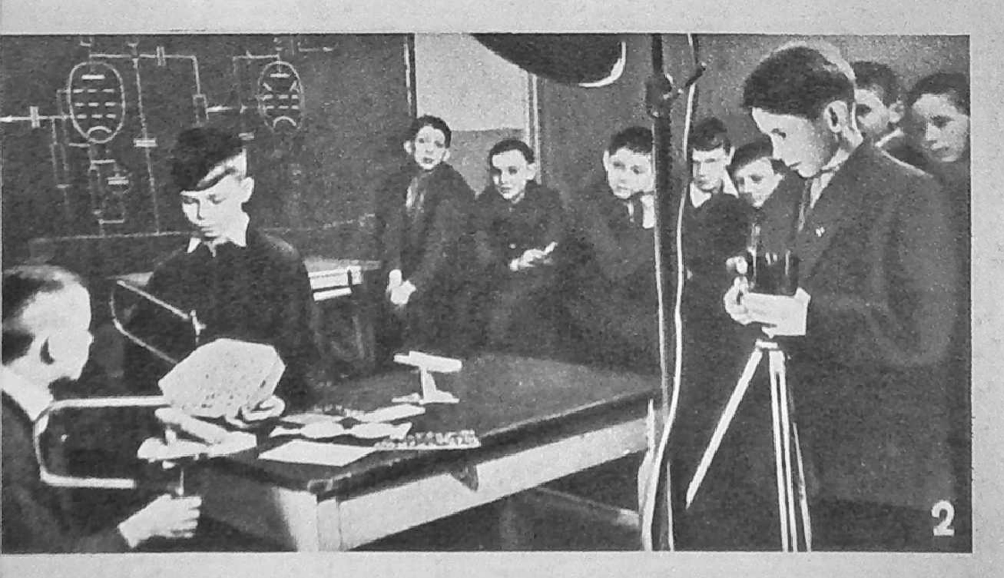

Директор школы Л. В. Луцкова у «календаря знаменательных дат». Этот календарь ведется в школе кружком историков в течение десяти лет.

КЛУБ

ЮНЫХ

МАСТЕРОВ

А. АБРАМЕНКОВ. Фото О. КНОРРИНГА.

273-я средняя мужская школа Щербаковского района Москвы. Каждое лето десятки юношей выходят отсюда в жизнь. Выходят уверенно, с определившимися интересами и твердым намерением овладеть избранной еще в школе профессией. В этом помогают юношам умные и чуткие учителя, комсомольская организация и школьный клуб юных мастеров.

Начало клубу положили двенадцать лет назад тогдашние десятиклассники: они решили сделать для школы радиолу. Вокруг инициаторов быстро собралась группа радиолюбителей и приступила к делу. Однажды в комнату, где работали ребята, зашел учитель физики И. И. Русин. Он увидел, что школьники неплохо владеют слесарным инструментом, паяльником, и попросил их починить в кабинете физики испортившиеся приборы. «Мастера» охотно взялись и за это.

В школе поняли, что старшеклассники затеяли хорошее дело. Для них собрали инструменты, в кладовой разыскали переплетный пресс. Помогли шефы школы и родители. В клубе возникли кружки радистов, электриков, фотокорреспондентов стенгазеты, художников-оформителей, переплетчиков-картонажников, а затем моделистов-кораблестроителей, метеорологов, географов, историков.

Ныне, куда ни взглянешь, видишь плоды работы юных мастеров.

— Наш клуб «умельцев»,— говорит директор школы Лидия Васильевна Луцкова,— хорошо помогает нам соединять обучение с производительным трудом. Особенно ценна эта помощь теперь, когда мы приступаем к решению задачи политехнизации обучения.

Известно, что политехнизм в общеобразовательной школе имеет целью познакомить учащихся с теми общими научными принципами, на которых основывается современное производство, работа современных машин.

Владимир Ильич Ленин, говоря о политехническом кругозоре и основах (начатках) политехнического образования, включал сюда основные понятия об электричестве, о применении электричества к механической промышленности, а также к химической, понятия о плане электрификации страны, посещения электрической станции, завода, совхоза, знания основ агрономии.

Политехническое обучение должно привить такие навыки труда, которые необходимы каждому человеку, какую бы профессию он ни избрал впоследствии. Оно, конечно, не заменяет профессиональной подготовки, но, расширяя общетехнический кругозор, воспитывая культуру труда, облегчает овладение профессиональными знаниями и навыками в будущем. Поэтому политехническое обучение должно быть неразрывной частью обучения основам наук, особенно таких, как физика, химия, математика, биология.

— Используя возможности клуба юных мастеров,— продолжает Лидия Васильевна,— мы стремимся так организовать занятия его кружков, чтобы ученики умели применять на практике теоретические знания, полученные в классе. В то же время труд помогает ребятам определить свои склонности, а ближе к окончанию школы — и решить вопрос, какую избрать профессию.

1

В клубе юных мастеров постоянно занимается около 300 человек. Чтобы быть принятым в клуб, надо успевать в учении, получить разрешение классного руководителя и совета пионерского отряда.

Руководитель клуба Евгений Борисович Козлов приветливо принимает новичков, знакомит их с историей клуба, с работой всех кружков — выбирай, что нравится! На снимке вы видите пятиклассников, которые решили заниматься в кружке переплетчиков-картонажников. Кружок этот в клубе возглавляет шестиклассник Миша Кустов. Переплетчики привели в порядок не только книги школьной библиотеки, но и учебники своих товарищей.

2

Научатся ребята переплетать книги, а на следующий год разойдутся по другим кружкам: кто к кораблестроителям, кто к художникам-оформителям, кто попросится в фотокружок. Здесь к ним прикрепят консультантов из старших ребят. Мише Трифонову поручили руководить новой группой фотолюбителей. Сегодня он проводит занятие на тему «Как снимать при искусственном освещении». А чтобы не пропадала зря пленка, он снимает для стенгазеты выпиловщиков за работой.

После Миши попробуют снять выпиловщиков другие члены кружка, потом они сами проявят и отпечатают свои снимки в фотолаборатории клуба. Но этому будет посвящено уже следующее занятие.

В то время, как новички делают первые шаги, старые кружковцы, постоянные фотокорреспонденты стенгазеты «Школа», успешно постигают искусство цветной фотографии.

3

Юноша, окончивший среднюю школу, часто будет иметь дело с электричеством. Щербаковский районный отдел народного образования выделил средства. И для клуба были приобретены компрессор и электроинструменты: циркулярная пила, дрель, рубанок, долбежник, электролобзик. Электроинструменты доверяют только тем, кто успевает по физике и достаточно знаком с теорией.

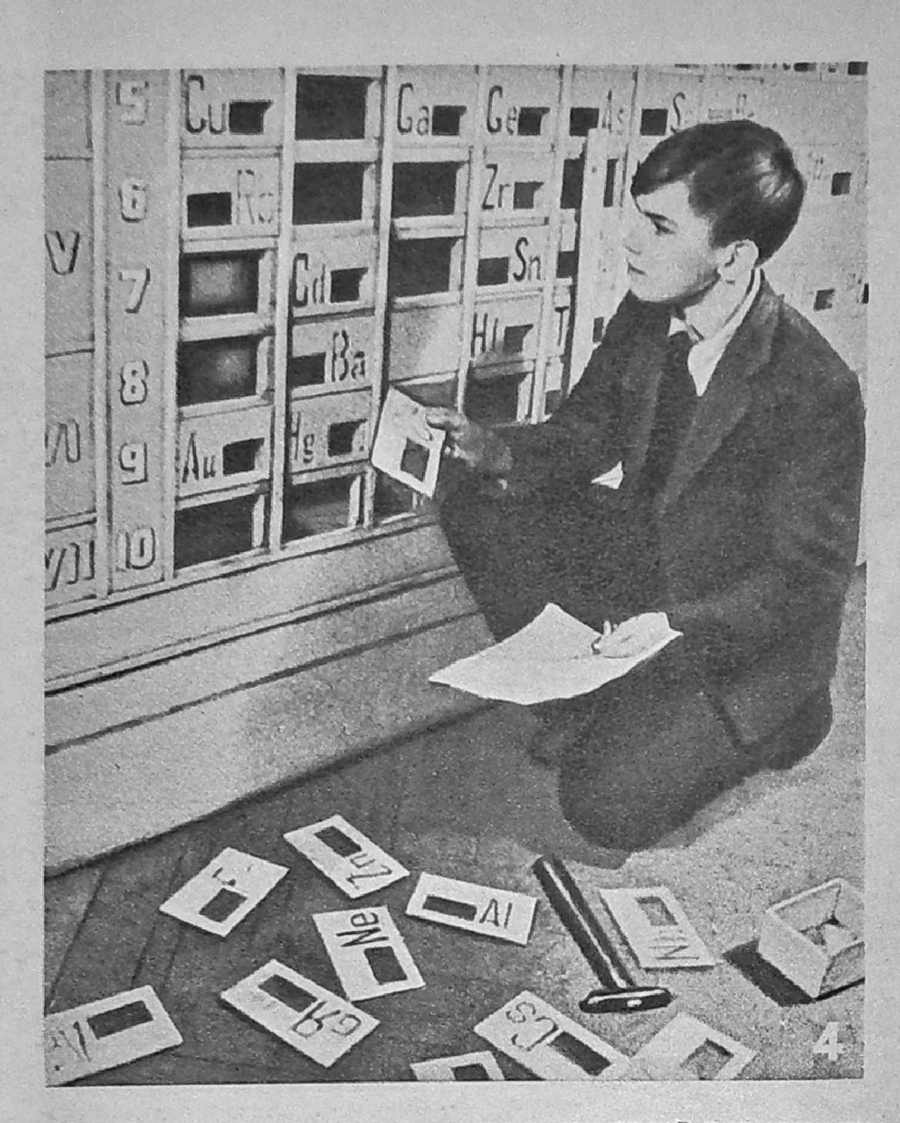
На снимке вы видите, как действуют (слева направо) Стасик Евсеев электрорубанком, Рудик Вегенер — электропилой, а Володя Кузнецов подготавливает к работе электролобзик.

4

Под наблюдением кружка электриков находится вся электропроводка в школе. Кроме того электрики изготовили электросиловой щит и модель сварочного аппарата для физического кабинета, а когда нужно было пускать в ход электроинструменты, намотали трехфазный трансформатор мощностью в 1 киловатт. Скоро к ним поступит каркас электросушильного шкафа для фотолаборатории клуба, и тогда они смонтируют и введут его в действие.

Для химического кабинета электрики готовят электрифицированную таблицу элементов Менделеева. Столяры и выпиловщики сделали щит, а Володя Башарин готовит его к электромонтажу.

В одной из комнат клуба висят пять щитов. Это действующая учебная схема лампового радиоприемника. Собрали ее Володя Жиряков и Юра Егоров. Схема — хорошее наглядное учебное пособие. Ею пользуются на уроках физики и на занятиях с начинающими радиолюбителями.

Кружок радистов подготовил и выпустил более пятидесяти классных радистов. В прошлом учебном году радисты построили радиоузел — гордость школы, сделали электронное реле, прибор для проверки вакуума ламп, универсальный измерительный прибор, сконструировали и собрали искатель повреждений в радиотрансляционной сети, смонтировали несколько радиоприемников, а для новичков изготовили модель-схему «Как работает радиоприемник».

В этом году радисты реконструируют радиоузел: удвоят его мощность, построят для физического кабинета генератор высокой частоты, переделают собранное ранее электронное реле времени в учебную действующую схему и сделают еще многое другое.

5

Десятиклассники Женя Старшов и Володя Кузнецов решили собрать для школы магнитофон. Сейчас они подготавливают рабочие чертежи аппарата, по которым будут работать столяры-выпиловщики, электрики, радисты. В результате коллективной работы кружков клуба в физическом кабинете появится еще один прибор, на котором, как и на множестве других, сделанных в школе, будет стоять «фабричная марка» — «КЮМ», что значит: «Клуб юных мастеров».

6

Четвертый год работает в клубе кружок моделистов-кораблестроителей.

Организатор кружка Женя Шелков (справа) твердо решил связать свою жизнь с морем. Летние каникулы он провел на Черном море: плавал палубным матросом на теплоходе.

В кружке школьники строят модели судов, изучают устройство и законы пловучести кораблей, штурманское и такелажное дело, ведут вахтенный журнал, учатся пользоваться компасом, подавать сигналы по азбуке Морзе. Летом они совершали шлюпочные походы на Химкинском водохранилище. Многие из школьников, как и Женя Шелков, серьезно намерены посвятить себя флоту.

Возможности школьного клуба ограничены: он не может вместить в трех небольших комнатах всех желающих. Выход был найден: радисты, электрики, переплетчики, выпиловщики, фотографы, моделисты проводят технические сборы в пионерских отрядах и звеньях. Темы этих сборов самые различные. У младших пионеров — как выпиливать лобзиком, фотографировать, переплетать книги. Пионеры шестых и седьмых классов на сборах знакомятся с элементами электротехники, радио, учатся чинить перегоревшие пробки, электрические утюги, собирать радиоприемники. Члены клуба показывают, как работать инструментом, мастерить приборы. После таких сборов любителей становится еще больше, а многие начинают делать модели и радиоприемники дома.

Помогает клуб и соседним школам. Юре Власову поручили вести радиокружок в 290-й средней женской школе. Раз в неделю в клуб приходят девушки, и Юра проводит с ними занятия.

* * *

Каждый школьник, побывав в нескольких кружках, научится обращаться с простым и электрическим инструментом, познает и полюбит труд в коллективе, сумеет применить на практике теоретические знания, полученные в классе. За год — два до окончания школы он задержится в каком-то одном кружке, будет ли то кружок радистов или электриков, или, как Женя Шелков, займется строительством моделей кораблей — и тогда ту или иную область техники школьник изберет своим жизненным поприщем.

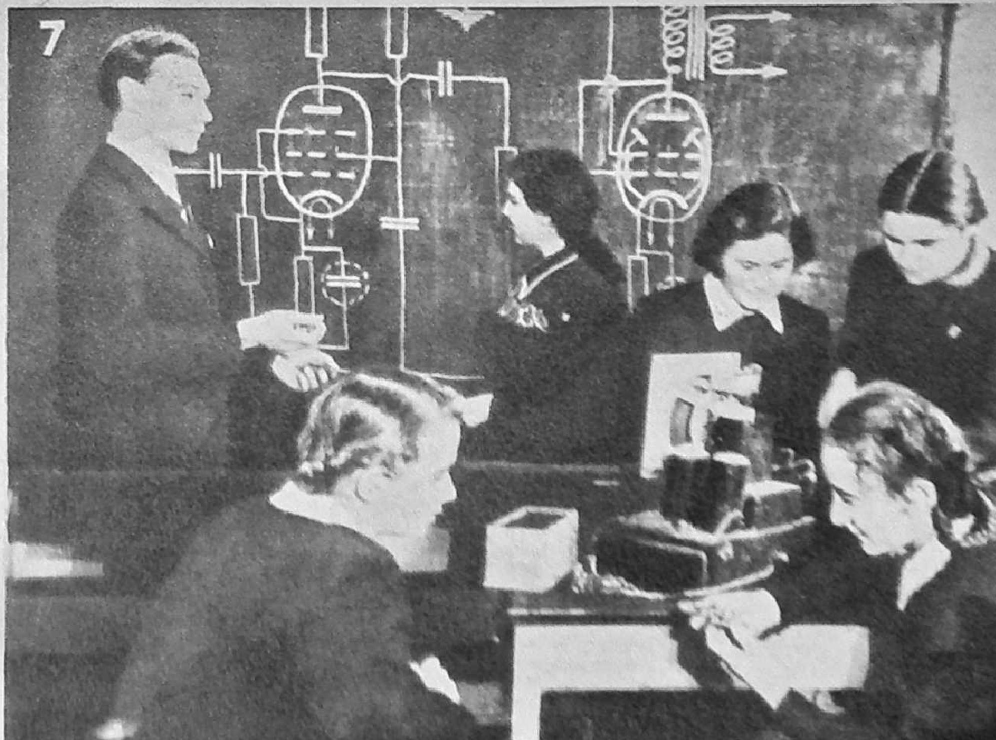
Среди бывших питомцев 273-й школы немало инженеров и техников — электриков, радистов и художников-прикладников, столяров-краснодеревцев и фотографов, полиграфистов и связистов. Школа приобщила их к творческому труду, помогла понять свое призвание, найти близкую их склонностям профессию. Все они не только хорошие специалисты в избранной области, но и мастера «на все руки».

Став специалистами, воспитанники школы не порывают связей с ней, частенько заглядывают в свои прежние кружки, читают ребятам лекции, помогают конструировать модели, собирать аппараты.

Перед советской школой XIX съезд Коммунистической партии поставил новые задачи. Педагогический коллектив 273-й школы, не ожидая, когда будут решены все вопросы, связанные с политехнизацией обучения, вдумчиво ищет пути решения этой важной проблемы, организуя и улучшая внеклассную работу в школьном клубе юных мастеров.

Индустрия океана

В Мурманском рыбном порту.

С. МОРОЗОВ. Фото Р. ЯКОВЛЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Корабли идут на север, к теплу. Еще вчера южные ветры не отпускали их от берега. Из тундры, с заснеженных гор Кольского полуострова, южные ветры несли стужу. Залив курился испарениями, туман закрывал кораблям дорогу в Баренцово море. Груженные топливом и припасами на многие недели промысла траулеры отдавали якоря, едва отвалив от причалов.

Но вот ветер подул с севера, туман рассеялся, потянуло теплом, дыханием Гольфстрима. Словно выпущенные на волю птицы, устремились корабли в открытое море.

В первые часы после выхода из Кольского залива с борта нашего траулера «Капитан Демидов» виднеются ходовые огни других судов. Но каждый траулер идет своим курсом, в заранее назначенный ему район промысла, и вскоре огни исчезают. Вокруг, куда ни глянь, вода и темень полярной ночи.

Казалось бы, темнота в открытом море должна еще более усиливать ощущение безбрежности. Но нет. Горизонт, затянутый тяжелыми облаками, представляется близким, почти осязаемым. Море выглядит совсем черным, облака чуть светлей, и когда смотришь с палубы, то кажется, будто рядом с судном высокие крутые берега.

Да, человеческое зрение не совершенно. Но люди, ведущие корабль, проникают мысленно на тысячи морских миль вперед, на сотни метров под воду. В полутемной рубке перед рулевым ярко освещенный компас. В наушниках радиста тонко попискивают сигналы радиомаяков. Стрекочет эхолот, и звуки, посылаемые в глубины моря, отразившись от дна, возвращаются на корабль электрическими вспышками, освещая деления циферблата: 200, 300, 400... Пусть встречные волны захлестывают порой высокий нос корабля, пусть снежная пелена окутывает временами палубу. Капитан и штурманы всегда знают, где сейчас корабль, как далеко ему надо еще плыть, где предстоит встретить косяки рыбы.

— День да ночь — сутки прочь,— шутит старший помощник П. Романов, занося очередную запись в судовой журнал.

Уже более суток находимся мы в пути, когда на темном горизонте появляются светлые точки. Ближе, ближе... Скоро по расположению ходовых огней можно рассмотреть очертания кораблей, подсчитать, сколько их здесь: 4, 5, 6... А вот и освещенный буй пляшет на волнах. Он установлен на якоре в знак того, что здесь сосредоточены косяки рыбы. Судовой радист Г. Еремин включает радио-телефон; доносятся голоса:

— Говорит «Ковда». Я «Рига». Как слышите меня?

— «Пикша», вас вызывает флагман.

Это совещаются капитаны промышляющих тут траулеров. Флагман заслушивает отчеты, дает задания.

— Ну, как там в Мурманске дела? — спрашивает хрипловатый баритон и, получив ответ, продолжает: — Так, так, добро...

Полутемная прежде палуба нашего траулера освещена теперь прожекторами. Быстро движутся матросы в шляпах-зюйдвестках, в непромокаемой, блестящей на свету одежде. Трал, недавно еще заиндевевший, теперь окачен кипятком, расправлен. Звучит команда: «Трал за борт!». И тралмейстер Г. Смолокуров включает лебедку. Соскальзывая с вращающихся барабанов, стальные тро-

сы поднимают над водой огромный сетяной мешок, обрамленный рядами круглых деревянных «бобинцов» и полых шаров — «кухтылей».

— Майна, майна... Трави еще.

Трал исчезает в волнах, трос уходит за борт на сотни метров, пока сеть не коснется грунта. Только после этого лебедку стопорят, и штурман командует:

— Малый ход!

Покачиваясь на волнах, траулер час — полтора идет заданным курсом. За кормой его по дну движется трал. Круглые «бобинцы» катятся по грунту, легкие «кухтыли» плывут над ними — раскрыта широкая пасть трала с двумя разомкнутыми челюстями.

Первый подъем... Вздувшаяся, битком набитая сеть разверзается. На палубу сыплются яркокрасные, с выпученными глазами морские окуни, плоская камбала, чернильно-синий глянцевитый палтус. Но больше всего, конечно, трески. Главная обитательница глубин Баренцова моря, она выделяется массивными формами, темносерой, с беломраморными разводами окраской. Ошеломленные светом, рыбы бьют хвостами, хлопают жабрами. В ящике вдоль борта растет и растет скользкая, сверкающая чешуей, трепещущая груда.

У дощатого помоста — «рыбодела» — становятся матросы с ножами в руках. Выпотрошенную рыбу моют и отправляют в трюм. Там ее просаливают, перекладывают льдом.

...В отсеке под рубкой, у клокочущих паром котлов, в белых халатах трудятся консервный мастер и салогрей. Их продукция — тресковая печень и рыбий жир.

* * *

Славными патриотическими делами наших соотечественников полна история освоения Баренцова моря. Более полувека назад видный русский ученый Николай Михайлович Книпович, впоследствии почетный член Академии наук СССР, начал комплексное изучение этого интереснейшего бассейна, в котором воды Арктики встречаются с теплым Атлантическим течением. Н. М. Книпович и его сотрудники впервые установили, что именно особенности Баренцова моря обеспечивают развитие колоссальных рыбных богатств и это дает возможность организовать здесь глубоководный траловый промысел.

На Баренцовом море развернул свою деятельность Пловучий Морской научный институт, созданный в 1921 году по декрету, подписанному В. И. Лениным.

На Мурмане в годы сталинских пятилеток по воле партии и народа выросла мощная рыбная промышленность. Труженики моря ежегодно дают родине уловы, исчисляемые миллионами центнеров.

Содружество науки и практики наглядно запечатлено в промысловых картах бассейна. Широкие листы, расчерченные на квадраты за номерами, рябят цифрами глубин, стрелками течений. Четкими, жирными линиями определены границы банок — подводных возвышенностей, вокруг которых концентрируются косяки рыбы. «Мурманская», «Гусиная», «Центральная», «Демидовская», «Копытовская» — названия даны банкам как по их географическому местоположению, так и по именам первооткрывателей. «Демидовскую» обнаружил и исследовал покойный ныне капитан И. Н. Демидов, тот самый, чьим именем назван также корабль. «Копытовскую», изобилующую морским окунем, открыл С. Д. Копытов — талантливый самородок, прошедший путь от матроса до ведущего специалиста промысловой разведки.

Много лет советские гидробиологи и моряки изучали движение сельди. Сделанные ими открытия позволили обнаружить новые, неизвестные прежде места скопления этой ценной рыбы в водах Атлантики. Сельдяной промысел в океане стал новой отраслью советской рыбной промышленности.

На траулере, промышляющем в море, мы видели, как трудится

На траулере «Капитан Демидов». Матросы готовят трал.

«Вот это тресочка!..» Тралмейстер Г. Смолокуров и матрос М. Казанцев (справа) довольны первым уловом.

Мурманск полярной ночью. На проспекте Сталина.

небольшой коллектив рыбаков. Возвратимся теперь на берег, и перед нами предстанет весь комплекс океанской индустрии.

Корабль только еще приближается к Мурманску, а сквозь зимнюю мглу, окутывающую берега залива, уже проглядывает россыпь электрических огней. Силуэты судов вырисовываются на фоне посветлевшего неба.

Откуда ни глянешь на обширную акваторию Мурманского рыбного порта, всюду видны корабли. Одни стоят на рейде, ждут очереди к причалу. На других, подошедших к берегу, широко открыты трюмы: деревянные бадьи выгружают улов на склады. На третьих, только что прибывших с моря, приступают к работе береговые бригады.

Рядом с небольшими корпусами траулеров огромными своими размерами выделяется океанский пароход «Памяти Ильича» — плавучая база «Мурманщельди». Из Мурманска в Северную Атлантику на многие месяцы, иной раз даже на полгода, уходят легкие, стойкие на волне «СРТ» — средние рыболовные траулеры. Крупные транспортные суда служат для снабжения сельдями

В холодильнике Мурманского рыбокомбината.

флотилии и доставляют в Мурманск их улов. Океанский пароход «Памяти Ильича» недавно выгрузил сотни бочек со свежепросоленной атлантической селедкой и теперь принимает припасы для нового дальнего рейса. Уголь и соль, пресная вода и мука, бычьи и свиные туши, свежие фрукты и медикаменты — для всего этого находится место в объемистых трюмах, цистернах, рефрижераторах. Вместе с экипажем уходят в плавание специалисты по засолке сельди, врачи, библиотекари, прачки, пекари, повара.

В рыбном порту Мурманска оживленная стоянка кораблей соседствует с корпусами рыбообрабатывающего комбината. Непрестанно движутся автопогрузчики, транспортеры. Улов, привезенный с моря, сортируют, тщательно моют в огромных бассейнах, доставляют на посолочный, коптильный, консервный заводы, на холодильник.

По железнодорожным путям меж заводских корпусов то и дело движутся сцепленные вагоны-ледники. За воротами рыбного порта электровозы вывозят их на магистраль.

Комбинат в Мурманске — один из крупнейших в стране — в два с половиной раза против довоенного увеличил выпуск рыбных товаров. Заводская марка мурманчан одинаково популярна среди покупателей в Москве и Ленинграде, в Сибири и на Урале.

* * *

Есть в нашей стране города, чей облик и состав населения определяются каким-либо преимущественно развитым производством. Мы знаем города нефтяников, машиностроителей, текстильщиков. Мурманск — незамерзающий порт, ворота в океан — по праву зовется городом рыбаков Заполярья.

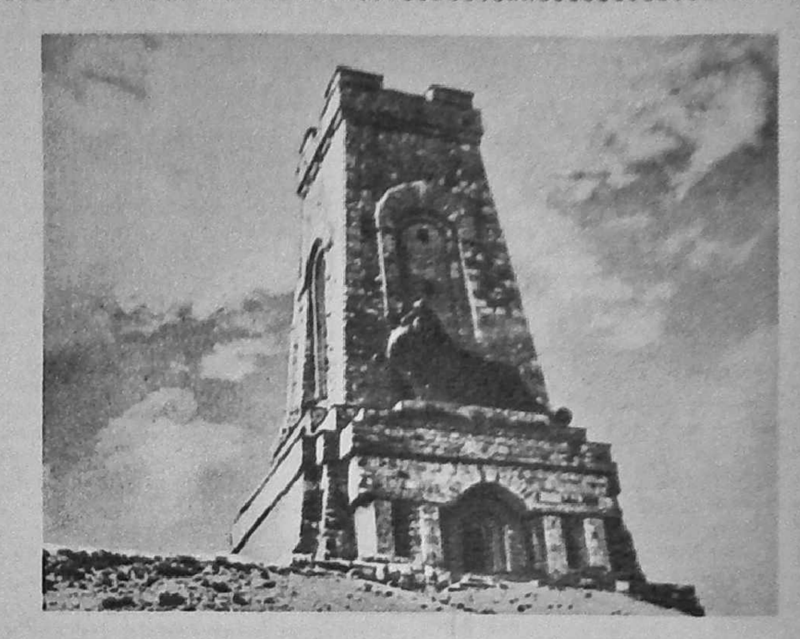
Расположенный на возвышенностях, террасами поднимающихся над заливом, он как бы устремляется ввысь. Многоэтажные каменные дома выстроены прочно, добротно, с размахом. Ярко светят в полярной ночи ряды бесчисленных окон, шеренги уличных фонарей.

Город, всем своим развитием обязанный советскому строю,— Мурманск мужественно выстоял годы войны под градом фашистских бомб. Израненный, изувеченный, он пережил после войны второе рождение и теперь радует глаз нарядностью, новизной.

Широк, просторен проспект Сталина, залитый асфальтом, обсаженный молодыми кустарниками. Сверкают неоновые рекламы магазинов. Мягко шурша шинами по снегу, мчатся большие зисовские автобусы, «Победы», «Москвичи».

Нарядной колоннадой украсился городской Дом культуры. Все выше поднимаются стены строящегося вокзала. Всюду бросаются в глаза окруженные заборами строительные площадки. В свете прожекторов рдеет свежая кирпичная кладка, в темном небе движутся стрелы башенных кранов.

Празднование новоселья стало частым торжеством мурманчан. Въезжают в новые квартиры семьи моряков, рыбников, строителей. Открыт Дом междурейсового отдыха со спортивным залом, бассейном для плавания.

На Шипке возвышается памятник русским воинам и болгарским ополченцам, принимавшим участие в освободительной войне 1877—1878 годов.

Любовь народа

Димитр МЕТОДИЕВ

3 марта 1953 года исполняется 75 лет со дня освобождения Болгарии от турецкого ига русскими войсками.

Лауреат Димитровской премии Димитр Методиев недавно закончил лирическую поэму «Страна мечты», посвященную Советскому Союзу. В этой поэме есть строки о том, как болгарский народ до освобождения советскими войсками от фашистского гнета мечтал о встрече с русскими братьями — потомками тех, которые вызволили Болгарию из многовекового рабства.

Ниже печатается этот отрывок.

Полукругом мы сидим у печи —
в самом теплом нашем уголке.
И фасоль свои заводит речи,
запевая в глиняном горшке.

Медленно в печи трещат
поленья,
и на плитке вздрагивает круг.
Младший брат у мамы на
коленях,
улыбаясь, засыпает вдруг.

Дед вздыхает, зажигая трубку,
говорит о том, как в дальний
год
здесь встречали русских
и как плакал
от великой радости народ.

Бабушка рукой братишку гладит
и твердит медлительное: «Эх,
мне еще разок их увидать бы,
а потом и умереть не грех!..»

———————

Не клад драгоценный,—
а с самого детства
любовь незабвенного братства
от дедов получена нами в
наследство —
и нету богаче богатства!

Град может сады уничтожить
и нивы,
сгубить и овсы и пшеницу,—
любовь же к России,
покуда мы живы,
в сердцах наших будет
храниться.

Со времени рабства она не
сгорает,
любовь та, что жизни дороже.
И эхо
«Братушки!..»
в горах повторяет,
и в песнях поется про то же.

Россия, Россия!..
Еще с колыбели,
когда за окном непогода,
над нами и мамы и бабушки
пели
старинную песню народа:
«Молодцы клисурцы —
московцами стали,
а панагюрцы —
донскими казаками!..» [1].

И мы
с молоком материнским
впитали,
как Родины нашей стихию,
к свободе любовь
и надежду, что вновь
обнимем родную Россию!

Перевел с болгарского
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

[1] Клисура и Панагюрище — центры восстания против Турции в 1876 году.

В Мурманске много молодежи. Вот уже четвертый год проводит набор курсантов Высшее мореходное училище рыбной промышленности — первое в Заполярье высшее учебное заведение. Скоро на траулеры придут штурманы и механики с дипломами инженеров.

«...в Мурманске особенно хорошо чувствуешь широту размаха государственного строительства»,— писал Алексей Максимович Горький в очерке «На краю земли» двадцать три года назад.

Пророчески мудро звучат горьковские строки сегодня:

«...Видишь, как разумная человеческая рука приводит в порядок землю, и веришь, что настанет время, когда человек получит право сказать:

«Землю создал я разумом моим и руками моими».

ГИДРОСТАНЦИЯ НА МОКШЕ

Внешний вид Рассыпухинской ГЭС. Фото А. Устинова.

На реке Мокше силами 60 колхозов Рязанской области построена крупнейшая в стране Рассыпухинская межколхозная ГЭС. Ее мощность — 2 тысячи киловатт.

Часть укрупненных колхозов уже получила электроэнергию. После весеннего паводка будут полностью электрифицированы все 60 артелей, участвовавших в сооружении станции. Электроэнергия приведет в действие около тысячи электромоторов. Электричество получат свыше 130 сел и деревень, в которых будут механизированы основные трудоемкие работы в сельском хозяйстве.

Советское государство оказало большую помощь строителям: колхозам был предоставлен долгосрочный кредит в сумме около 18 миллионов рублей.

Пуск станции превратился в большой праздник колхозников.

Славный юбилей

Исполнилось 60 лет со дня рождения и 35 лет творческой деятельности выдающегося деятеля советского киноискусства народного артиста СССР кинорежиссера Всеволода Илларионовича Пудовкина. Советское правительство, отмечая его заслуги в развитии киноискусства, наградило В. И. Пудовкина орденом Трудового Красного Знамени.

Пудовкин пришел в киноискусство в годы гражданской войны. Тогда кинематография делала еще свои первые шаги и мало кто верил в ее будущее. Молодые киномастера, и в их числе Пудовкин, ставили «фильмы без пленки» — киноспектакли. В этих киноспектаклях, разыгрываемых на крошечной учебной площадке, Пудовкин был сценаристом, актером, художником, режиссером. Затем, приступив к самостоятельной работе режиссера, он сразу показал себя зрелым художником-реалистом, мастерски владеющим всеми средствами киноискусства.

Первой большой работой Пудовкина была научно-популярная картина «Механика головного мозга», излагавшая основы учения академика Павлова об условных рефлексах. Долгие годы этот фильм демонстрировался на экранах всего мира, сыграв выдающуюся роль в пропаганде материалистического учения великого русского физиолога.

Народный артист СССР В. И. Пудовкин.

Затем последовали художественные фильмы Пудовкина, принесшие ему успех и признание: «Мать» по А. М. Горькому, «Конец Санкт-Петербурга» и «Потомок Чингисхана». Выдающиеся достижения молодого искусства социалистического реализма утвердили славу советского кино во всем мире. Это были страстные произведения, разоблачавшие и гневно осуждавшие мерзости капиталистического общества. Но фильмы Пудовкина не только осуждали,— они и утверждали. Глубоко и проникновенно раскрывались в них образы героев. Фильмы показывали, как забитые и угнетенные люди превращаются в сознательных революционных бойцов. Образы Павла Власова и его матери Ниловны (фильм «Мать»), крестьянского парня (фильм «Конец Санкт-Петербурга») и бедняка-монгола — арата Баира (фильм «Потомок Чингис-хана») — призывали к борьбе и победе.

Сравнивая эти картины с другими кинопроизведениями того же времени, легко понять, в чем были сила и преимущество работ Пудовкина. Знаток и ценитель русской реалистической классики, страстный почитатель творчества Толстого и Горького, Пудовкин осваивал и развивал в молодом киноискусстве передовые художественные традиции. Будучи сам талантливым киноактером, он первым из кинорежиссеров стал работать с актерами по системе Станиславского.

Мне выпало счастье в начале моего творческого пути встретиться со Всеволодом Илларионовичем на съемках фильма «Дезертир». На всю жизнь сохранила я к нему благодарность за его уроки подлинно реалистического искусства. И не так уже давно, снова работая с Пудовкиным по одной из новелл фильма «Три встречи», я опять убедилась в том, как плодотворно, глубоко и интересно работает он с актером.

Коммунист Всеволод Илларионович Пудовкин своими фильмами служит Родине, народу, делу борьбы за коммунизм.

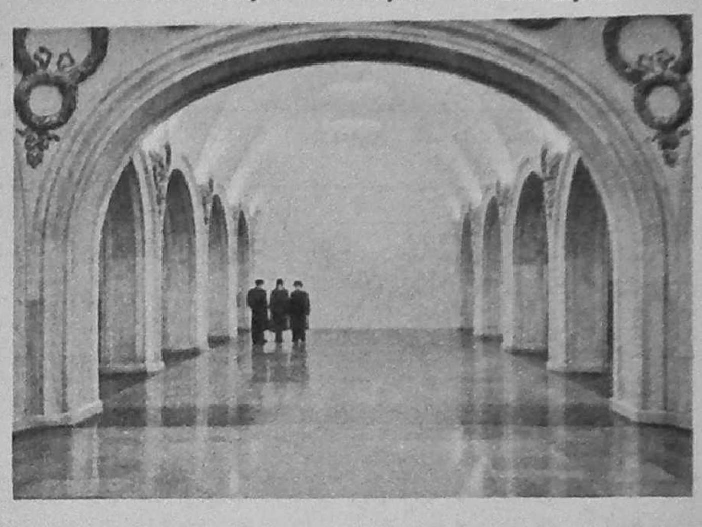
Из звуковых фильмов Пудовкина особенно значителен цикл его патриотических произведений о великих деятелях русского народа. «Минин и Пожарский», «Суворов», «Адмирал Нахимов», «Жуковский» — все эти картины говорят о свободолюбии, мужестве, самоотверженности, талантливости русского народа.

Деятельность Пудовкина многообразна. Он не только художник, но и видный общественный деятель. Мы знаем его и как яркого публициста, активного борца за мир.

За 35 лет творчества Пудовкин сделал немало, но итоги его трудов подводить еще рано. Сейчас он, как всегда, полон исканий и творческих замыслов. Он порадует зрителей новыми фильмами, и, мы уверены, в них он превзойдет лучшие свои достижения последних лет.

Тамара МАКАРОВА,
народная артистка СССР

РЕКОНСТРУКЦИЯ СТАНЦИИ «ПАВЕЛЕЦКАЯ»

Строители московского метрополитена одержали новую победу: сдан в эксплуатацию первый участок реконструируемой станции «Павелецкая» Замоскворецкого радиуса. Теперь обе станции — радиальная и кольцевая — соединены между собой наклонным эскалаторным ходом. Это создает большие удобства для пассажиров. На снимке: средний зал реконструируемой станции метро «Павелецкая» Замоскворецкого радиуса.

Экскаватором управляет Ермоленко

Около 20 лет управляет экскаватором Иван Васильевич Ермоленко. Он участвовал в сооружении крупных оросительных систем, обводнительных и судоходных каналов (см. обложку этого номера).

...Весна 1950 года. На Волго-Доне смонтированы первые модернизированные малые шагающие экскаваторы «ЭШ-I», полученные с Ново-Краматорского завода. Иван Васильевич назначается сменным мастером экскаватора. С тех пор знатного механизатора посылают на самые сложные участки, где требуются мастерство и смелость.

Вместе с Иваном Худяковым, тоже машинистом малого шагающего, Ермоленко производил выемку грунта в котловане 12-го шлюза. По мере углубления котлована работа становилась все труднее. Грунтовые воды затопляли забой, грунт превращался в сплошное месиво. И все же славный экипаж Ивана Васильевича Ермоленко вынимал по 1 400 кубометров земли в смену.

Затем экскаватор Ермоленко был направлен на прокладку русла. Горячее соревнование разгорелось между экипажами. На доске показателей рядом с фамилией Худякова появилась цифра: 2 300 кубометров — небывалая выработка. Но вскоре Иван Ермоленко довел выемку грунта до 2 680 кубометров.

Всего на Волго-Доне экипаж Ермоленко вынул 1 миллион 250 тысяч кубометров. Когда Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина вступил в строй, Ермоленко получил назначение в Жигули, на строительство Куйбышевской ГЭС.

И здесь его послали на главный участок. Иван Ермоленко управляет мощным электрическим экскаватором «Уралец» там, где в широкой долине между горами Могутовой и Яблоневой сооружается котлован под здание гидроэлектростанции.

Недавно состоялась научно-техническая конференция по изучению опыта Волго-Дона. Ивана Васильевича слушали здесь строители волжского гиганта, ученые из Академии наук СССР, товарищи по работе. Ермоленко рассказывал, как работали на Волго-Доне машинисты землеройных машин, как волгодонцы внедряют свой опыт в Жигулях. Иван Васильевич говорил о счастье, которое испытывает он как участник строительства крупнейшей в мире гидроэлектростанции,— ее огни должны вспыхнуть в Жигулях в пятой сталинской пятилетке.

Однажды в море...

Пароход «Кронштадт» держал курс на Камчатку. Утром моряки любовались зеркальной гладью спокойного и приветливого моря. А к вечеру оно уже так бурлило, что в снастях неистово свистел ветер и судно клало на борт до 30 градусов. На палубу со страшной силой одна за другой обрушивались волны.

Завязалась мужественная борьба моряков с разбушевавшейся стихией. Перекатывавшиеся через палубу волны порвали паропровод лебедочной магистрали и частично снесли релинги, повредили три бота и сорвали брезенты с бункерных люков. Рискуя быть смытыми за борт, мужественно работали матросы Овсянников и Гапонов, машинисты Бухаров и Щеголев.

Шторм крепчал. Вода стала поступать в кочегарку и носовые помещения. Машинная команда, руководимая старшим механиком Чернухой, наладила быструю откачку воды. Кочегары Филиппов и Сухачев продолжали держать пар на марке — поддерживать необходимое давление.

Пятьдесят два часа продолжалась борьба советских моряков со стихией. Пароход «Кронштадт» пришел в порт назначения на пять часов досрочно. Жители Камчатки получили много грузов: сельскохозяйственные машины, промышленные и продовольственные товары.

Капитан морского
флота III ранга
И. МИНАЕВ

Халида Щеголеева—чемпион мира

От специального корреспондента «Огонька»

Халида Щеголеева.

НАКАНУНЕ

В скоростном беге на коньках наши спортсменки давно уже не имеют себе равных. Пять раз они участвовали в чемпионатах мира и пять раз выходили победительницами.

Лишь две спортсменки — финка Э. Хуттунен и норвежка Р. Турвальдсен — могут сравниться с ними. Во всяком случае, их результаты приближаются к показателям наших конькобежек.

Лишь один раз Хуттунен стала чемпионом мира. Это было два года назад, когда советские спортсменки в соревнованиях не участвовали.

И вот в норвежском городке Лиллехаммере вновь разыгрывается первенство мира.

В моменты тренировок мы обратили внимание на хорошую спортивную форму Хуттунен и Турвальдсен. Они во многом переняли стиль наших конькобежек. Хуттунен за последний год сделала заметные успехи. В частности, она смело приняла нашу тактику попеременного темпа, при котором один или два круга нужно идти в сильном темпе, а затем круг — в несколько ослабленном, с тем, однако, чтобы вновь значительно повысить скорость. Почти все наши скороходки находились в хорошей спортивной форме. Поэтому интерес к предстоящим состязаниям был очень велик.

Результаты, показанные в последнее время Р. Жуковой, Х. Щеголеевой, О. Акифьевой и Л. Селиховой, давали основание предполагать, что борьба за первое место будет идти между нашими спортсменками, что лавровый венок еще раз будет привезен на Родину. Мы не ошиблись в своих предположениях.

ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

Лиллехаммер — маленький городок. В нем не больше 6 тысяч жителей. Это городок спортивный, и поэтому почти все жители пришли на каток.

Но погода испортилась, температура повышалась, начался снегопад. Уже на разминке все участницы почувствовали, что лед в плохом состоянии. Было такое впечатление, что он еще не готов. Во всяком случае, он не был достаточно тверд и по праву был назван трудным.

Все же соревнования начались. В первой паре на 500 метров бежали О. Акифьева и К. Даниэльсен (Норвегия). Советская спортсменка показала отличную манеру бега и добилась великолепного результата — 48,7 секунды.

Это было сигналом для всех. Значит, и по такому льду можно показывать хорошие секунды. Я невольно вспомнил, что Акифьева месяц назад на великолепном высокогорном катке близ Алма-Аты пробежала на одну десятую долю секунды... хуже, чем здесь, в Лиллехаммере.

Это говорит о том, что отличная техника бега позволяет нашим спортсменкам показывать хорошие результаты даже в очень трудных условиях. Секунды Акифьевой всех ободрили. Начался штурм своеобразного рекорда. С. Кондакова сбросила одну десятую долю секунды с этого результата, а Жукова, которая шла в паре с норвежкой А. Мэре,— четыре десятых. Секундомеры показали 48,3. Это было лучшее время дня.

К моменту начала состязаний на 3 тысячи метров лед не стал лучше. Температура держалась на нуле.

В первой паре шли Акифьева и Хуттунен. Здесь в полной мере сказалась спортивная форма финки. Она очень хорошо использовала тактику попеременного темпа, умело проходила виражи, правильно распределяла силы. За два круга до финиша она начала энергично работать руками и финишировала с результатом 5 минут 29,9 секунды. Отличный итог. Казалось, трудно превзойти эти показатели, особенно принимая во внимание состояние льда. И действительно, ни З. Воробьева, которая шла в паре с Турвальдсен, ни Т. Карелина со своей напарницей С. Аккерманн-Ульсен (Норвегия) не могли превзойти секунды Хуттунен. Но вот на старт выходят Щеголеева и Май-Бритт-Алмер (Швеция).

Щеголеева прошла дистанцию в энергичном темпе, и, когда закончила бег, судьи объявили: 5 минут 25,8 секунды. Никто этого результата превзойти не смог. Жукова, бежавшая в паре со шведкой И. Хегберг, также улучшила результат Хуттунен и заняла второе место.

Когда подсчитали сумму очков по двум дистанциям, то оказалось, что на первое место вышла Жукова, на второе — Щеголеева и на третье — Селихова.

БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ

Во второй день соревнований спортсменкам повезло. Погода резко изменилась в лучшую сторону: ясное небо, солнце, легкий мороз. Лед, как говорят специалисты, «выстоялся», стал звенеть, блестел, как зеркало.

Всем нам было понятно, что сегодня борьба будет острее и показатели лучше.

И действительно, первый же забег на тысячу метров подтвердил наши предположения.

Воробьева прошла дистанцию за 1 минуту 44,3 секунды. Вслед за ней Акифьева закончила бег на 4 с лишним секунды быстрее. Это вызвало шумные одобрения.

На старт вышли Жукова и Турвальдсен. Зрители хорошо знают и советскую спортсменку и свою землячку. Естественно, что к этой паре было приковано внимание. Жукова тактически правильно провела бег и в интересной борьбе закончила дистанцию за 1 минуту 38,5 секунды.

Как же пробежит тысячу метров Щеголеева? Ведь она по сумме двух дистанций отставала от Жуковой не намного. Объявляется последняя пара. Бегут Щеголеева и Аккерманн-Ульсен. Но советская спортсменка не смогла взять должную начальную скорость и первый отрезок проходит сравнительно медленно. Зато затем она развивает предельную быстроту и, бурно финишируя, заканчивает бег за 1 минуту 38,6 секунды, то есть на одну десятую долю секунды медленнее Жуковой.

Советские спортсменки (слева направо) Ольга Акифьева, Софья Кондакова и Лидия Селихова на высокогорном катке.

Фото А. Бурдукова.

По сумме трех дистанций вновь на первое место вышла Жукова.

Теперь все будет решать бег на последней дистанции.

Для того, чтобы выйти победительницей в сумме всех дистанций и завоевать почетное звание чемпиона мира, Щеголеевой необходимо было пройти 5 километров быстрее Жуковой на 5,4 секунды.

Щеголеева — молодая спортсменка: ей еще нет 20 лет. В этом сезоне она впервые выступила на ответственных соревнованиях. Дважды она в упорной борьбе проигрывала Жуковой в беге на 5 тысяч метров.

И вот в Лиллехаммере вновь они должны померяться силами.

Кто же из них победит?

ДОЛИ СЕКУНДЫ

В первой паре идут М. Аниканова и Т. Карелина. Восемь кругов вела Аниканова, затем ее обошла свердловчанка и закончила бег за 9 минут 26,9 секунды.

Результат хороший. Однако уже в следующей паре шли Жукова и Турвальдсен, и всем было ясно, что секунды Карелиной будут улучшены.

Но Жукова бежала раньше своей основной соперницы. Щеголеева будет бежать, уже зная секунды Жуковой. В этом было ее преимущество. Перед Жуковой, таким образом, стояла одна задача: пройти дистанцию в возможно быстрый срок. Нужно сказать, что Жукова выполнила эту задачу. Она правильно начала бег и хорошо его провела. Ее результат — 9 минут 14,3 секунды — говорит сам за себя. Турвальдсен отстала от нее больше чем на 31 секунду!

Далее шла Селихова. Улучшить результат Жуковой она не смогла. Не смогли этого сделать и Воробьева с Кондаковой.

Наконец объявляется пятая пара: Щеголеева — Хуттунен. Это соревнование решало судьбу первого места.

Выстрел! Бег начался. Первый круг Щеголеева проходит сравнительно спокойно — за 41,5 секунды. Хуттунен держится рядом с ней. На втором круге москвичка делает резкий бросок, подобный броску в беге на тысячу метров, и отрывается от финки на 50—70 метров. Круг пройден за 40,5 секунды. Далее Щеголеева идет сравнительно спокойно, на набранной скорости. Хуттунен ее догоняет. Тогда Щеголеева делает еще один рывок и вновь уходит вперед. Но Хуттунен не реагирует и продолжает бег в ровном сильном темпе. Вскоре она нагоняет свою энергичную соперницу. Так продолжается почти на всей дистанции.

За три круга до финиша Хуттунен вплотную приближается к Щеголеевой, которая идет с результатом, лучшим, чем Жукова. Но на сколько?

За два круга Хуттунен обходит Щеголееву. Зрители шумят. Щеголеева ведет борьбу с реальной, видимой Хуттунен и сидящей, отдыхающей уже Жуковой. Борьба идет за несколько долей секунды!

Пошли последний круг! Обе спортсменки идут ровно. Но Хуттунен пошла по маленькой дорожке, а Щеголеева — по большой.

Судьи объявляют: Хуттунен — 9 минут 06,1 секунды, Щеголеева — 9 минут 08,4 секунды.

Таким образом, Щеголеева «отыграла» у Жуковой не 5,4 секунды, а на несколько долей секунды больше.

Это и принесло ей победу!

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК ВРУЧЕН ЩЕГОЛЕЕВОЙ

Борьба кончилась. Зрители шумно приветствуют молодую чемпионку мира москвичку Халиду Щеголееву. Ей вручают лавровый венок. Она, Жукова и Селихова, поднимаются на пьедестал почета. Оркестр играет Гимн Советского Союза. Щеголеева под несмолкающие аплодисменты совершает круг почета, а затем участники соревнования берут ее на руки и уносят в спортивную раздевалку. Вслед ей слышны крики приветствий.

А когда Халида Щеголеева направилась в гостиницу «Виктория», где остановилась советская спортивная делегация, то большая толпа жителей Лиллехаммера провожала нового чемпиона мира, выражая ей свои симпатии.

И. АНИКАНОВ,
заслуженный мастер спорта.

Лиллехаммер, февраль.

Римма Жукова.

В Белорусском государственном театре оперы и балета. Народная артистка СССР, депутат Верховного Совета СССР, член Советского Комитета защиты мира Лариса Помпеевна Александровская, постановщик оперы Монюшко «Страшный двор», беседует с молодыми исполнителями (справа налево): Раисой Осипенко (Ядвига), заслуженным артистом БССР Николаем Ворвулевым (Збигнев), Тамарой Нижниковой (Ганна) и Николаем Лазаревым (Стэфан).

Фото М. Савина.

Заключительная сцена спектакля «Счастье поэта» В. Витки в постановке Белорусского драматического театра имени Янки Купалы.
В роли Янки Купалы — заслуженный артист БССР И. Б. Шатилло.

Воскресенье 15 февраля

День отдыха в Автозаводском районе города Горького

К. НЕПОМНЯЩИЙ, М. САВИН, Б. КУЗЬМИН
Специальные корреспонденты «Огонька»

Воскресенье, 15 февраля. Тихо в гигантских цехах Горьковского автозавода. Отдыхает весь рабочий район. Обычный выходной день. Многих, очень многих мы не могли застать в это утро дома. Кандидаты в депутаты местных Советов встречались с избирателями. Агитаторы проводили беседы.

В 11 часов большая группа рабочих выехала на дневное представление «Лебединого озера» в Театр оперы и балета. Сотни автозаводцев направились в музеи города, иные провели воскресенье в читальнях за книгами. В событиях этого дня, которые, на первый взгляд, не столь важны и значительны, можно увидеть, как вырос круг интересов советского рабочего, как заботится наше государство о его отдыхе.

Пройдем по Автозаводскому району города. Побываем на катке и в лесу, заглянем в рабочие квартиры и Дом техники, посмотрим, что происходит за кулисами самодеятельного театра в клубе. Познакомимся со строителями автомобилей в день их отдыха.

— Георгий Кувшинов дома?
— Что вы! Он еще в семь утра уехал в плавательный бассейн.

Разметчика Кувшинова (на первом плане слева) мы встретили в помещении бассейна, расположенного в центре Горького, на площади имени 1 Мая. Здесь были и моносчетчица Галина Саликова и другие рабочие Автозавода. Они уже долгое время занимаются плаванием, не раз и небезуспешно соревновались с лучшими пловцами страны. Моносчетчица Галина Саликова (вторая справа) в соревнованиях прошлого года завоевала звание чемпиона РСФСР.

В бассейне светло и тепло, вода манит к себе, но задерживаться здесь нельзя: день только начинается, а нам надо побывать во многих местах. Поедем на малый каток,— большой каток сейчас готовят к матчу на «Кубок СССР» по хоккею. На малом полно народу. Некоторые автозаводцы здесь с женами и детьми. Перед нами семья шофера Бориса Коломинова. Отец, мать и сын вышли на лед. Авторитет Анны Николаевны в семье непререкаем, но здесь, на катке, она чувствует себя не совсем уверенно.

— Смелее, Анна! — говорит Борис Алексеевич жене.— Ты ведь когда-то сама меня учила!

Один круг, второй, третий. Виктор, ученик 4-го класса, освободившись наконец от опеки родителей, подкатывает к нам.

— Пришлось поработать с мамой,— доверительно сообщает он.— Никак не хотела снова становиться на коньки. Но смотрите, ведь она способная, правда?

— Если вы хотите знать, что я буду делать сегодня, поедем вместе к профессору Ордынскому,— предложил нам Серафим Сергеевич Сахаровский.

По профессии Серафим Сергеевич — бухгалтер, по призванию — садовод. Он председатель правления садового хозяйства Автозавода, и у него есть вопросы к профессору, который известен в Горьком тем, что выводит новые сорта растений.

— У нас с яблонями что-то неблагополучно,— начинает Сахаровский (справа) беседу с профессором. — С южной стороны на некоторых стволах я увидел ожоги. Чем это объяснить?

— Возможно, резкой сменой температуры...

— Не можете ли вы приехать к нам в сад, профессор?

— С удовольствием, но только на будущей неделе. А пока поговорим о дынях...

Владимир Васильевич Ордынский влюблен в скороспелую горьковскую дыню. Она действительно замечательна!

Профессор Ордынский вручает бухгалтеру пакетики с семенами:

— Если вы их посеете на своих глинистых почвах, то уже в начале августа будете иметь спелые дыни.

Художественный совет горьковского Дома моделей одобрил пятьдесят девять новых моделей женских платьев и костюмов для мужчин и мальчиков. Эти модели еще не утверждены окончательно. И вот решили предварительно показать их рабочим Автозавода.
Собралась огромная аудитория. Живо обсуждались новые моды, и некоторые работницы здесь же, в зале, зарисовывали модели, которые им особенно понравились.

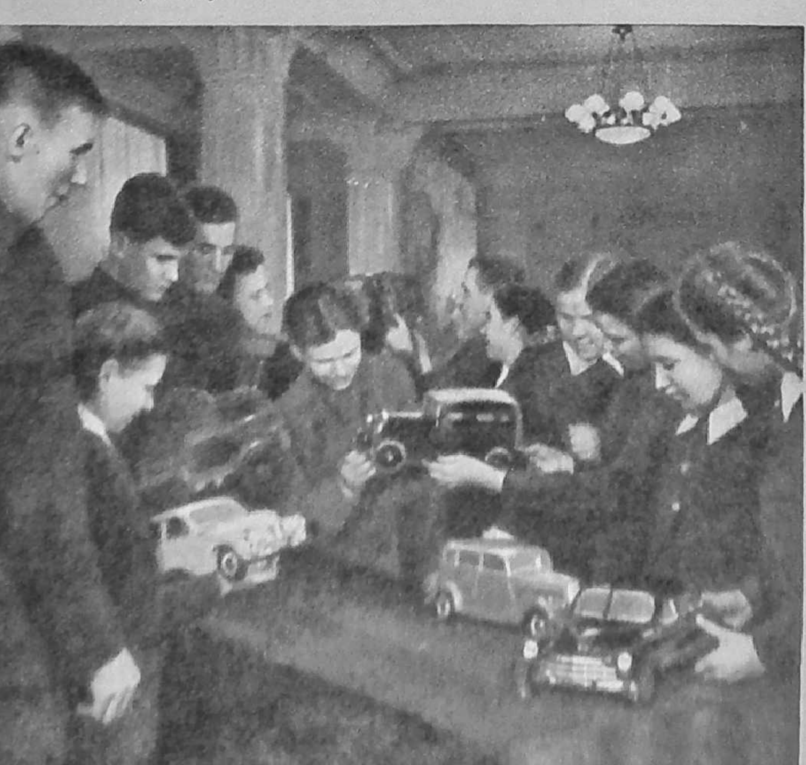
Свой день отдыха литейщик Анатолий Федорович Малюгин проводит за любимым занятием — художественным выжиганием по дереву. Впервые он увлекся этим делом лет пять назад, когда отдыхал в санатории. Первую картину Малюгин выжег на дереве с помощью обыкновенной лупы. Потом сконструировал трансформатор, который понижает напряжение со 120 вольт до 2,5. Ток из маленького настольного трансформатора поступает в карандаш с хромо-никелевым наконечником. Этим карандашом Малюгин и выжигает на дереве.
Стены комнаты украшены его картинами; здесь портреты Горького и Чайковского, иллюстрации к «Витязю в тигровой шкуре». Сейчас Анатолий Федорович работает над портретом Карла Маркса.

В заводском совете общества «Торпедо» нам дали список спортивных соревнований, которые происходили в этот день в Автозаводском районе. Самым интересным, пожалуй, был массовый лыжный кросс молодежи. На лыжной базе мы никого не застали. Сторож сообщил, что лыжники прошли в лес, к деревне Стригино. Это было километрах в десяти от Автозавода. Здесь, в заснеженном старом лесу, мы и засняли лыжников на их пути к финишу.

Комсомольца Дениса Вершинина мы засняли в Доме техники Автозавода, где он знакомился с новой технической литературой. Это известный на заводе токарь-скоростник, один из последователей куйбышевского новатора Василия Колесова. Мы назвали Дениса Вершинина токарем-скоростником, но могли бы также представить его читателю и как фрезеровщика, и как отличного слесаря, и как опытного шлифовщика. Он неплохо знает долбежное дело и кроме того недавно стал шофером.
Нынешнее воскресенье для Дениса Вершинина — день учебы. Сейчас он в Доме техники, потом собирается в книжный магазин: там, говорят, появилась новая книга о скоростном резании металла. Вечером вместе с женой он пойдет на лекцию о новых музыкальных произведениях.

— А будет ли улучшаться «Победа»?
— Да. Она будет красивее и удобнее.
— А как совершенствуются наши грузовые машины?
— Они должны стать легче и в то же время иметь бо́льшую грузоподъемность.
— Гоночные автомобили наш завод выпускает?
— Да.
Ученики ремесленного училища Автозавода ведут разговор с заместителем главного технолога Николаем Федоровичем Денисюком (первый слева). Будущие рабочие рассматривают в Доме техники модели автомобилей, которые когда-либо выпускал завод: от «газика» до «ЗИМа». Николай Федорович рассказывает им об этих моделях, о росте завода, о его традициях и о будущем.

На одном из многочисленных сегодняшних концертов выступит самая молодая балерина Автозавода, дочь лекальщика Ирина Дроздова. Ей недавно исполнилось семь лет. Она воспитанница балетной школы при Центральном клубе Автозавода.
К сольному выступлению Ирину готовит ее мать Антонина Васильевна Дроздова, которая сама впервые выступала в этом клубе на концерте художественной самодеятельности двадцать лет назад.

Как мы провели воскресенье 15 февраля

На первом этаже Центрального клуба, в светлом классе, украшенном картинами мастеров живописи, занимается 17 молодых рабочих — художников Автозавода.

Сегодня урок собственной композиции. Тема — портрет стахановки. Позировать перед товарищами согласилась стахановка завода Лиля Дарьяшина.

Два молодых конструктора Автозавода, Иван Юрин и Алевтина Максимова, в субботу зарегистрировали свой брак, а в воскресенье друзья и родные праздновали рождение этого славного союза. Молодые люди работают в одном конструкторском бюро, учатся в вечернем институте: Аля — на втором курсе, Иван — на первом. В загс они пришли не одни, а со свидетелями — Юрием Юриным, помощником начальника цеха, и его женой Надеждой (стоят на втором плане). Мария Гавриловна Китаева, заведующая загсом, сердечно поздравила молодых, пожелала им счастья и здоровья.

На свадьбе было пятьдесят три гостя.

Собираясь в воскресенье на охоту, зашли за механиком Иваном Ивановичем Зубаревым его друзья (слева направо): слесарь Евгений Иванович Дудин, начальник легкового парка Андрей Александрович Овсов, шофер Александр Максимович Лисенков, бухгалтер Иван Ильич Лузиков.

Пока Иван Иванович (он заснят на втором плане) собирает свой рюкзак, старый бухгалтер и охотник Иван Ильич Лузиков вспоминает облаву на волков:

— Обложили мы в прошлом году волков пятнадцать...

— Позволь, позволь, убили-то только двух!

— Ну, двух, а обложили пятнадцать...

— Помнится, раньше ты говорил, что обложили только девять...

Все смеются. Смеется и Иван Ильич.

— Трудно, конечно, в наших краях и волкам, и зайцам, и боровой дичи.

— Но и нам нелегко,— вставляет слово механик Зубарев.

Нелегко потому, что уж больно много охотников завелось в Автозаводском районе. Общество охотников Автозавода объединяет около пятисот любителей этого вида спорта. На зайца ходят по правому берегу Оки, на утку ездят в пойму Сеймы, на боровую дичь — тетерева, рябчика, вальдшнепа — в лесные заросли.

Воскресенье, 15 февраля, в Горьковской области было последним днем зимней охоты. Как же можно пропустить такой день!

Андрей Прохорович Загорный, кузнец, лауреат Сталинской премии:

— Я встречался со своими избирателями, которые выдвинули меня кандидатом в депутаты Горьковского областного Совета депутатов трудящихся.

Александра Сидорова, мастер ОТК:

— Я выступала в концерте художественной самодеятельности. Пела арию Лизы из оперы «Пиковая дама». Это было мое сотое выступление.

Николай Антонович Онусайтис, техник-механик:

— Я старый рыбак. Для меня наступила «страда». Дорого каждое воскресенье. Усиленно снаряжаюсь к весенней путине: надо приготовить блесны, крючки и спиннинги себе, сыну, внуку.

Как мы провели

Воскресенье 15 февраля

Нина Тихомирова, конструктор:
— Я искала в книжных магазинах новинки по электротехнике. Днем проводила беседу с избирателями. Вечером училась кататься на коньках.

Нина Вечканова, сборщица:
— Муж готовил уроки; он учится в школе рабочей молодежи. Я вышивала. Потом пошли в мебельный магазин, купили шкаф. Вечером были в театре.

Василий Любезнов, фрезеровщик:
— В понедельник у меня занятия в вечерней школе. Поэтому готовил уроки.
В кинотеатре смотрел картину «Ошибка инженера Кочина». Новее, к сожалению, ничего не показывали!

Этого соревнования не было в списке, с которым нас познакомили в заводском совете «Торпедо». Как видите, маленькие автозаводцы играют в хоккей без ворот и даже без настоящей шайбы. Но какое это имеет значение, если есть клюшки и есть зрители!

— Смотри, не узнает своего отца!
Этими словами встретил свою дочь Георгий Степанович Хромов, прессовщик колесного цеха. Он хотел, чтобы родилась девочка, и вот ему вручают маленькую Таню. Очень хорошо!

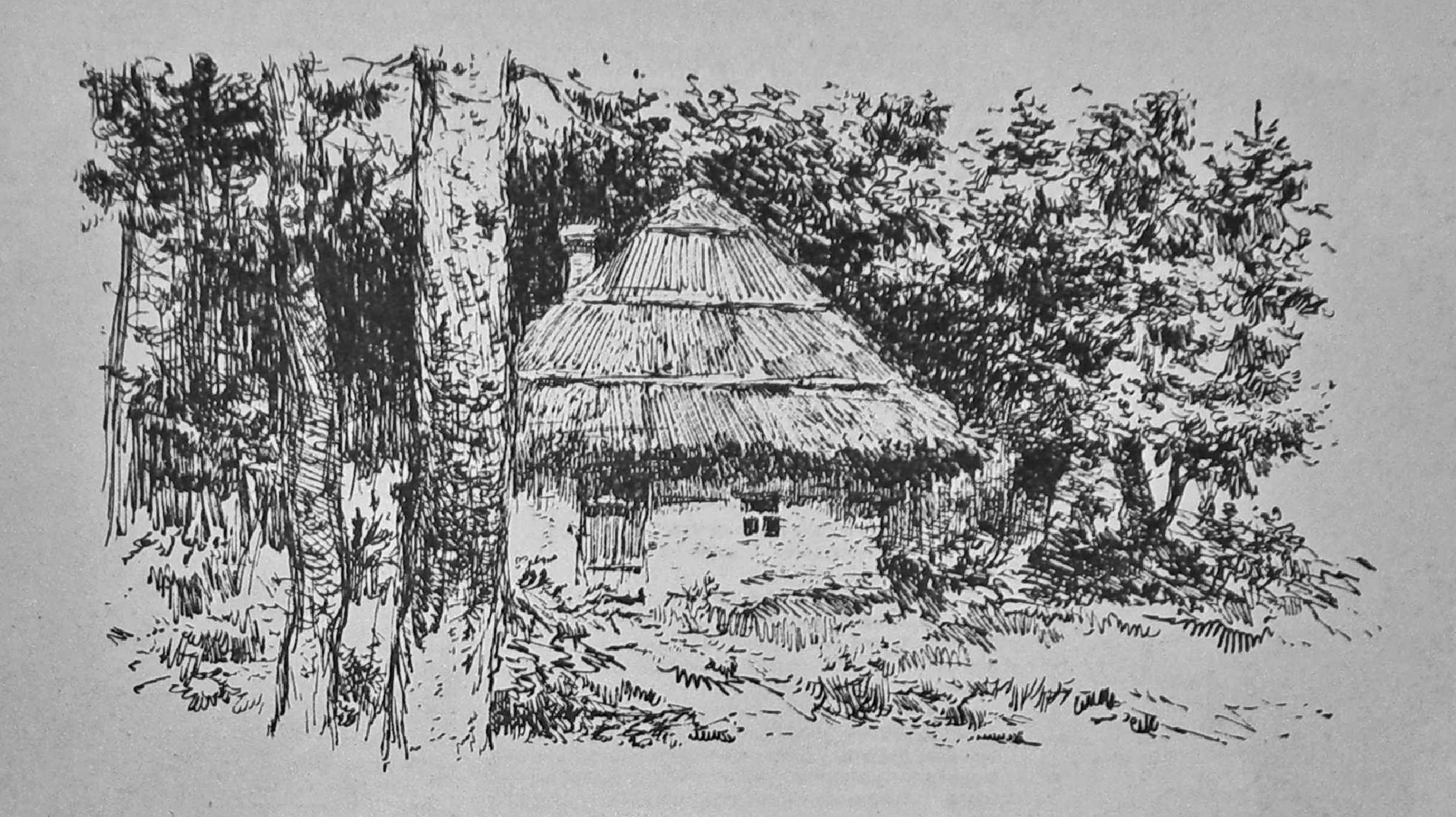
Поднимемся на четвертый этаж дома № 3/17 по проспекту имени Жданова, куда недавно переселилась семья литейщика Алексея Васильевича Харламова.
Сегодня Харламовы готовятся к приему гостей. У Елены Кузьминичны, матери четверых детей, хлопот полон рот. Но она все успеет! Мы засняли ее в ответственный момент: она ставила в духовку пироги. Представитель младшего поколения семьи литейщика заявил нам:
— Нет на свете ничего лучше маминых пирогов!

— Товарищи, скорей! Зрительный зал полон!
Токарь Борис Морозов, участник спектакля «За вторым фронтом», торопит своих друзей. И вот занавес раздвигается. Спектакль проходит с успехом, и зрители — автозаводцы награждают артистов дружными аплодисментами. Особенно по душе зрителям диспетчер Николай Сальников; он исполняет роль майора Маркова. Играет Сальников уверенно: сам был в армии, хотя не майором, а старшим сержантом.
В пьесе К. Симонова «Под каштанами Праги» Николай Сальников исполняет роль полковника Петрова, в пьесе «Директор» — парторга ЦК.
— Очень хочется сыграть наконец молодого рабочего парня из нашей сегодняшней жизни. Давно ищем такую пьесу, но все никак не можем найти.
Здесь, за кулисами, мы знакомимся с участниками художественной самодеятельности — электриком Владимиром Батуриным, экономистом Тамарой Павловной Пилошевской, конструктором Борисом Кудаковым.
Этот дружный коллектив выезжал не так давно в Москву, где дал четыре спектакля. Тогда, на конкурсе художественной самодеятельности, коллектив Центрального клуба Автозавода получил вторую премию.

* * *

Конечно, мы не могли запечатлеть всего, что происходило в огромном Автозаводском районе города. Но когда снова пересматриваешь фотографии, на которых засняты горьковчане в день отдыха, перед нами встает обычный, полный интересных событий воскресный день советского рабочего.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Из повести

Якуб **КОЛАС**

Рисунки П. Пинкисевича.

Новая повесть Якуба Коласа, «На перепутье», примыкает к его книгам «В полесской глуши» и «В глубине Полесья». Писатель рисует широкую картину жизни белорусского крестьянства и сельской интеллигенции накануне и в период революции 1905 года. Главный герой трилогии деревенский учитель Андрей Лобанович под влиянием революционных событий и нелегальной литературы постепенно освобождается от многих наивных представлений о жизни и становится на путь сознательной революционной борьбы. За участие в нелегальном учительском съезде Лобанович уволен с должности учителя, за ним установлен тайный надзор полиции. Вместе с товарищем он находит пристанище у своего брата-лесника в глухом лесном урочище Смолярне.

Смолярня стала на некоторое время главным штабом двух закадычных приятелей, Лобановича и Тукалы. Небольшие узенькие сени разделяли хату лесника на две половины. Одну половину, почище, Владимир отвел для брата Андрея.

Более глухой и тихий уголок, чем здесь, трудно было найти. Но глухомань и тишина не давали уверенности в том, что сюда не заглянет глаз ненужного человека, особенно теперь, когда учителя находятся под тайным надзором полиции. Друзья не забывали об этом и ничего крамольного, не дозволенного полицейскими предписаниями, не держали и не прятали в лесной сторожке. Разную запрещенную литературу — брошюрки, листовки, воззвания — они прятали в глухом лесу. Литературу приносил тайком Янка из местечка, в котором он с помощью революционно настроенной молодежи нашел себе пристанище и небольшой заработок.

Друзья встречались часто — или в местечке, в тесной каморке Янки, или здесь, в Смолярне. Вдвоем было веселей, к тому же возникало много вопросов, которые требовали разрешения. Для таких дел больше подходила Смолярня, а потому друзья здесь и чаще встречались. О чем только не говорили они в длинные осенние вечера и ночи в тихой, уютной сторожке! Прежде всего нужно было договориться, как держаться на допросе не только им, но и всем уволенным учителям. В том, что допроса не миновать, друзья не сомневались.

Еще в ту ночь, когда протокол учительского собрания попал в руки полиции, кто-то из участников сходки подал такую мысль: в случае неприятного разговора с начальством нужно стоять на том, что собрание было случайным и не ставило себе никаких революционных целей. Этот вариант и приняли за основу в своих показаниях новоиспеченные юристы — Янка и Андрей. Но его нужно было обсудить со всех сторон, чтобы было похоже на правду. Друзья приступают к репетиции допроса. То один, то другой из них берет на себя роль следователя. Начинает Янка. «Следствие» он ведет по всем правилам юридической науки. После некоторых формальных вопросов: имя, отчество, фамилия, сколько лет, находился ли под судом — «следователь» переходит к вопросам по существу дела. «Допрашиваемый» Лобанович отвечает так, как они заранее договорились. «Следователь» спрашивает:

— Вы утверждаете, что не имели намерения созвать недозволенный съезд учителей и не ставили перед собой крамольных, преступных целей. Но как же согласовать ваши утверждения с тем, что записано вот в этом богомерзком протоколе, под которым стоит и ваша подпись?

«Следователь» сурово глядит на «допрашиваемого».

Лобанович напускает на себя вид невинного человека.

— Я не знал, что было записано в протоколе, господин следователь, — отвечает он.

«Следователь» пожимает плечами. Злая усмешка кривит его губы.

— Как же вы подписывали то, что вам неизвестно? — интересуется «следователь» и добавляет: — А если бы в протоколе было написано: «Настоящим я обязуюсь всунуть в петлю голову, чтобы меня повесили»,— разве вы и в этом случае подписались бы под протоколом? — наседает «следователь».

«Допрашиваемый» отвечает грустно:

— Конечно, если бы я не читал протокола и не знал, что в нем написано, то и под таким протоколом подписался бы.

— Вот это мило! — восклицает «следователь». Он снова ехидно, как настоящий следователь, усмехается.

— Разъясните, я вас не понимаю, — обращается он к Лобановичу.

«Допрашиваемый» виновато опускает глаза, на мгновение задумывается.

— Пьяному, господин следователь, и море по колено, — печально признается он и добавляет: — А за компанию, как говорят, цыган повесился.

Янка не выдержал роли следователя. Он весело захохотал.

— А знаешь, — сказал «следователь», — неплохо получается, ей богу!

— Ты же, надо отдать тебе справедливость, вопросы ставил казуистические, — хвалит следовательский талант Янки Андрей.

Так друзья похвалили друг друга за удачно проведенные роли. Но это — только начало. Хорошее же начало — половина дела. Нужно продолжить следствие. На этот раз следователем делается Лобанович, и роли меняются.

Сначала тот же предварительный допрос, а затем уже разговор по существу самого дела.

— Из ваших слов выходит, что вы подписали протокол, не зная, что в нем написано, только потому, что вы были пьяны и не понимали, что делали. Так я вас понимаю? — спрашивает «следователь» Лобанович «допрашиваемого» Янку Тукалу.

— Да, — смело подтверждает Янка.

— А где вы напились и по какому поводу?

Янка придает своему лицу постное выражение, старается собраться с мыслями.

— Выпили на товарищеской маевке, сначала, как говорится, на лоне природы, за селом, а потом добавили еще и в микутичской школе, на квартире своего коллеги Садовича.

— Стало быть, имелась какая-то реальная причина для такой выпивки. Вот вы и скажите, что это была за причина?

«Допрашиваемый» вначале мнется, а потом говорит:

— Основная причина, господин следователь, была в том, что и нашему брату, сельскому учителю, порой хочется выпить, тем более в компании.

— Это правда, компания большая, слишком даже большая для товарищеской маевки, как утверждаете вы, — иронически замечает «следователь».

«Допрашиваемый» не обижается на это замечание и продолжает свои объяснения:

— Если хотите знать правду, я скажу: протокол написал бог Бахус! — отвечает рассерженный «допрашиваемый».

Приятели не выдерживают дальнейшей комедии и весело хохочут.

— А чтоб тебе пусто было! Замучил меня, даже в пот ударило! — говорит Янка и вытирает платочком лоб.

— Что скажешь, Яне? Помоему, неплохо. Если мы все разыграем такую «божественную комедию», то, право же, будет хорошо!

— Путь проложен! — весело отзывается Янка. — Остается только отшлифовать некоторые мелочи. Может быть, «следователь» — ты или я — не так порой задавал вопросы, а «подсудимые» порой не так отвечали?

— А как ты думаешь, может быть, о Бахусе не нужно говорить, а ту же мысль высказать немного иначе? — осторожно замечает Лобанович.

— Дело, братец мой, не в точной терминологии, была бы только верно и без противоречий определена линия общего поведения, а остальное, конечно, нужно доработать.

— Я в принципе не против Бахуса, Янка, быть может, это наша находка. Тысячи людей возлагали вину на бедного Бахуса, и это часто помогало им. А вдруг и нам он сослужит службу?

Приятели приступают к окончательной отделке «допроса». Остается только ознакомить всех участников учительского съезда в Микутичах с планом, выработанным в Смолярне, чтобы все уволенные учителя играли в одну дуду — никаких заранее обдуманных намерений у них не было. Встал другой вопрос: каким способом осведомить друзей о принятой линии поведения? Ответ был один: только устно и тайно.

В заключение Лобанович сказал:

— Держись, Янка, нас еще судьбы безвестные ждут. Падать духом не будем!

— Не будем! — подхватил Янка. — Мы еще покажем, что такое санкюлоты: берегись, богачи, беднота гуляет!

— Село Микутичи, господин следователь, славится тем, что из него выходит много учителей. Нет ничего удивительного в том, что летом, во время каникул, они в большом числе съезжаются в свое село, к родителям.

— Но здесь были учителя и из других мест, — гнет свою линию «следователь».

— Их было мало, господин следователь, к тому же это все близкие приятели, однокашники учителей, вышедших из Микутич.

— Ну, а вы также из Микутич? — спрашивает «следователь».

— Я здесь по соседству, моя деревня верстах в двух отсюда. Летом я все время проводил с друзьями в Микутичах.

— Так здесь весело? — иронически подает реплику «следователь».

— Мы создали там на квартире Садовича при школе кружок учителей и занимались подготовкой к экзаменам на аттестат зрелости, — объясняет Янка.

— Вашу «зрелость» вы засвидетельствовали в своей крамольной резолюции,— говорит безжалостно «следователь», потом резко меняет тон разговора. — Давайте бросим играть в прятки, — сурово продолжает он. — Факт есть факт, а документ остается документом! — «Следователь» поднимает лист бумаги, который должен означать «документ», и уже более спокойно говорит: — Признавайтесь: кто писал текст этого мерзкого протокола?

После короткой паузы он добавил:

— Помните, что искреннее осознание преступности и правдивое признание своей вины только уменьшат степень справедливого наказания.

«Допрашиваемый» сначала молчит, а потом вежливо заявляет:

— Мне не в чем признаваться, потому что я не только не знаю, кто писал протокол, но и не знаю, что в нем написано.

— Бросьте дурака валять! — гремит «следователь».— Говорите правду, кто составлял протокол?

* * *

Спустя несколько дней после репетиции допроса к Лобановичу зашел брат.

— Для тебя, брате, наклевывается школа, — весело проговорил Владимир.

На его губах играла хитроватая усмешка. Лобановичу казалось, что брат хочет поиздеваться над ним, — вероятно, подъезжает с какойнибудь штучкой.

— Ты на что намекаешь, Владек? Какая может быть для меня школа? — недоверчиво отозвался Андрей.

— Маленькая школка, здесь, в Смолярне!

— Не понимаю, что ты хочешь сказать, — признался Андрей.

А Владимир продолжал:

— Дело зависит сейчас от тебя: согласишься учить — и ученики будут, по три рубля в месяц с носа!

— Было бы хорошо, если бы они были, но где их взять?

Здесь Владимир раскрыл карты.

Некоторые крестьяне из соседних деревень, услыхав, что здесь под боком есть учитель, просили Владимира переговорить с братом, не возьмется ли он учить их хлопцев. Везти ребят в Столбуны далеко, да еще квартиру надо найти, платить за нее, харчи посылать. А так было бы удобней: легче пройти две — три версты до Смолярни, чем ехать верст десять до местечка.

— Как ты смотришь на это? — спросил Владимир.

— Охотно взялся бы учить, ведь мне делать нечего. Сколько наберется учеников?

— Семь — восемь хлопцев, а может быть, и больше.

— Что ж, это хорошо. Не знаю только, где разместить их.

— Об этом ты не думай, — сказал Владимир.

Через два дня «школа» была вполне готова принять новых учеников. Смастерили простой длинный стол, поставили две скамейки по одну и по другую сторону стола, а в одном конце его табуретку — «профессорскую» кафедру.

Такова история открытия школы в Смолярне — к великой радости Лобановича и к удовлетворению крестьян, родителей девяти учеников смолярнинской школы.

Хотя Лобанович сейчас был далеко не полноправным учителем, хотя он и не был поставлен на эту должность начальством, все же он ощутил великое удовлетворение, когда в хату лесника пришло девять парнишек разного возраста и различной подготовки. Самому старшему из них, Тодору Бервенскому, было уже около шестнадцати лет. Это был рослый парень. Несколько зим ходил он в школу, но с большими перерывами. Из школьной программы он кое-что знал, а вообще был малограмотным. Его уже более интересовали девчата, чем книги. Но жизнь вынуждала взяться за ученье, хотя бы сдать экзамен за курс начальной школы. В настоящей школе среди шумной оравы школьников-малышей Бервенский чувствовал себя не очень ловко. К тому же Тодор страдал недостатком речи. В глагольных словах окончания на «ал» он выговаривал «ол»: брал — брол, пахал — пахол, бороновал — бороновол и т. д. Вот почему с большой охотой пошел он в тихую, глухую Смолярню к Лобановичу.

Остальным ученикам было от одиннадцати до тринадцати лет. Они также учились урывками, пропускали занятия, слабо знали школьную программу. После ознакомления с ними Лобанович разделил их на три группы, по три ученика в каждой: старшую, в которую входили Тодор Бервенский, Яким Прокопчик и Павлюк Глушка; среднюю и группу наиболее отсталых.

Со всем рвением и энтузиазмом любящего

свое дело учителя приступил Лобанович к занятиям с немногочисленными учениками. Прежде всего их нужно было обеспечить письменными принадлежностями, учебниками и другими пособиями. Все это было раздобыто стараниями самого учителя и на деньги учеников, которые загорелись искренним желанием учиться.

С утра до вечера, не разгибаясь, сидели ученики за столом, то уткнувшись в книги и тетради, то глубокомысленно поднимая глаза кверху, когда решали задачи. Здесь не было распорядка дня, обычно принятого в школах. Перерывы делали по мере надобности, не считаясь с тем, сколько времени отводилось тому или иному предмету.

Кустарная школа в Смолярне отнимала немало времени у Лобановича, и это нисколько не волновало его. Ведь это было живое и привычное для него дело. Янка Тукала искренне порадовался за приятеля.

— Хо, брат! — смеясь, говорил Янка.— Нашего брата голыми руками не возьмешь: он живуч, как полынь-трава, и жить будет, пока корни из земли не вырвешь!

Чтобы не мешать приятелю заниматься с учениками, он стал реже посещать Смолярню. Но не проходило недели, чтобы они не встретились, не поговорили о разных делах. Это уже стало их потребностью: долго оставаться друг без друга они не могли. Поговорить же им всегда было о чем. Живя в местечке и встречаясь с местечковой интеллигенцией, Янка был до некоторой степени осведомлен о различных политических течениях, но ни одним из них не увлекался, стоял в стороне от них, присматривался и прислушивался ко всему, о чем говорилось. Порой он даже посмеивался над местечковыми лидерами мелкобуржуазных партий, над их «бесстрашием»: «Стражников нету? Казаков не видать?» — и затягивал песню:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.

Затем Янка продолжал:

— Каждый такой цыган свою кобылу хвалит. Все они хотят залучить меня на свою сторону. Я слушаю — и мне приходят на память местечковые лавочники, которые стараются затащить в свою лавку покупателя. Каждый из кожи лезет, стараясь доказать, что самая правильная партия есть та, к которой он сам принадлежит. Но кто видел эту правду? Где она и какая она? Я, признаться, не вижу ее. Еще Пилат спрашивал Христа: что есть истина? И ответа не услыхал.

— Вон куда ты повернул, Янка! — немного удивился Лобанович. — Заберешься, братец, в такие дебри, что и не выберешься из них.

— А все-таки, что такое правда? — уперся Янка.

— Если Христос не сумел ответить Пилату на вопрос, что есть истина, так что я тебе скажу? Правда — это, брат, то, во что ты веришь так, что и других заставишь поверить в это.

— Гм! — покачал головой Янка. — Замысловато и неопределенно. «Це діло треба розжувати», как говорят украинцы.

— Беда наша, Янка, в том, что мы недостаточно образованы, чтобы критически отнестись к программам различных политических партий.

— В них сам чорт ногу сломит, — заметил Янка. — Слушаешь одного оратора — и кажется, что он говорит правду. А послушаешь другого, более красноречивого, который начнет опровергать первого и доказывать правоту своих взглядов, — и выходит, что правда на стороне этого другого... Может быть, и правда, что такие колебания есть результат небольшого образования, — согласился Янка, но тут же перебил самого себя: — Нет, братец, не в образовании дело! Вот кадеты — очень образованные люди, это все профессора, адвокаты, редакторы газет и журналов. Так неужто идти за ними и признать, что они говорят правду?

— Не стоят кадеты того, чтобы говорить о них даже в моей Смолярне, — сказал Лобанович. — Дело в том, что кадеты — монархисты, хотя окраска у них несколько иная, чем, скажем, у октябристов или других подобных партий. Раз они стоят за монархию, какую бы там ни было, то цена им — ломаный грош!

— Что правда, то правда, — согласился с другом Янка. — Все же большинство партий сходится в одном: они стоят за то, чтобы скинуть царя. Если же это так, то я согласен идти с ними в ногу и беру от них все, что способствует гибели царя и самодержавного строя. В данном случае я похож на пчелу, которая собирает мед с разных цветов, лишь бы только полнее был улей. Вот они, эти цветики!

Янка вынимает из-за пазухи пачку прокламаций, свернутых в трубку.

— Прежде всего,— говорит Янка,— надо отнести их в лес и спрятать в нашем тайнике.

Лобанович взял прокламации.

— И ты не боишься носить их? — спросил он, подмигивая Янке.

Янка засмеялся:

— Бог не выдаст, свинья не съест! А если бы меня остановили и обыскали, я сказал бы: а я как раз иду в полицию — недозволенную литературу нашел!

— Так бы они тебе и поверили!

— Ну что же? Купил не купил, а поторговаться можно,— в том же тоне ответил Янка.—

— Это тоже правильно. Но думал ли ты, собирая вот эти «цветочки», что среди них могут быть и отравленные?

— Пока что об этом не думал. Я, брат, исхожу из принципа: что бог дал, то клади в торбу. Будет удобная минутка, переберем их и тогда отделим плевелы от пшеницы. Плевелы сожжем, а чистую пшеницу положим в житницу, как учит Христос.

— Здорово усвоил ты евангельскую науку,— пошутил Лобанович.

— Без бога ни до порога.

— А с богом хоть под пенькoлоду,— в тон приятелю добавил Лобанович, намекая на потайной склад запрещенной литературы в лесу под корнями вывернутой старой ели.

Приятели хорошо поняли друг друга и направились в лес, к заветному тайнику.

Перевел с белорусского
Евг. МОЗОЛЬКОВ.

Весенняя песня

Николай АСЕЕВ

Пел торжественно петух,
пар курился на задворье,
звездный жар почти потух,
пел петух весны предзорье.

Шли часы такой поры:
голоса умолкли раций,
столяры за топоры
не подумывали браться,

всех сморило по весне...
Ребятишки, звери, птицы
плыли все в пуховом сне:
пред зарею сладко спится.

Пел петух зарю не зря
мглистым утром до рассвета,
и пришла к нему заря
ярко огненного цвета,

вся закутана в туман,
будто в облачной косынке,
от нее весь лес румян,
искорка в любой росинке.

Пел торжественно петух,
эхом лес перекликался,
ранний мир сиял вокруг,
весь в огнях переливался!

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

Инженер Е. ЯКОВЛЕВ

Нашему знакомству предшествовало многое. И вот наконец оно состоялось.

Утро. Маленькая железнодорожная станция Адлер на побережье Черного моря. После дождя блестит шоссе, отражая зелень пирамидальных тополей. Вдали дышит прибой. Белый, спрятанный в глубине фруктового сада домик. На крыльце высокий, чуть сутуловатый человек с приветливыми голубыми глазами — полковник авиации в отставке Михаил Николаевич Никольской.

Что привело нас сюда?

В Петербурге в 1914 году лейтенант морского флота М. Н. Никольской получил патент на оригинальный авиационный двигатель, прообраз современного турбовинтового. Имя изобретателя, опередившего свое время, упоминается в научных трудах, где опубликована схема

Лейтенант М. Н. Никольской в 1914 году.

двигателя. Однако оставалось неизвестным, удалось ли его построить, как сложилась судьба изобретателя.

Историк техники, приступающий к составлению летописи изобретения, сделанного сравнительно недавно, всего лишь 40 лет назад, стремится отыскать самого автора или людей, которые были с ним связаны. Живой, непосредственный рассказ ярко, в деталях воссоздает прошлое. Тождество инициалов, фамилии моряка и полковника авиации побудило нас приехать в Адлер.

Завязалась беседа. И с первых же слов стало ясно, что полковник авиации в отставке и изобретатель — одно и то же лицо. Скромность не позволила ему осветить в печати историю турбовинтового двигателя, начатого в дореволюционные годы.

Вот как все это произошло.

В 1913 году в Петербурге на Русско-Балтийском заводе Никольской, тогда военный инженер, участвовал в строительстве воздушных гигантов «Русский витязь» и «Илья Муромец». Его внимание привлекло главное в самолете — энергетическое сердце, двигатель.

Зарубежная печать рекламировала свои двигатели: «Аргусы», «Самбимы», «Бедморы». А чем они оказались в действительности? Тяжеловесными тихоходами, к тому же весьма ненадежными в работе. Двигатели неожиданно глохли, и летчику постоянно грозила авария.

Никольской решил создать другой двигатель, безукоризненный в работе, скоростной. К этому делу он подходил, уже накопив опыт, располагая солидными знаниями. Еще в юные годы он обратил внимание на весьма интересную химическую реакцию: при соединении азотной кислоты и скипидара бурно выделяются газы.

Лейтенант купил в аптеке эти вещества и начал свои опыты. Он просверлил в донышке длинного металлического стакана два узеньких отверстия, через которые внутрь поступала азотная кислота и скипидар. Но против ожидания газы не возникали.

Что это: промах или неудача?

Выяснилось, что очищенный французский скипидар не подходит для этой цели. Пригодным оказался простой русский. И когда внутри стакана соединились две струи, с гулкими выхлопами повалил багрово-огненный упругий газ. Он обладал большой энергией, вероятно, достаточной, чтобы вращать турбину.

Но кислота очень быстро разъедала металл. Необходимо было подобрать стойкий материал. Никольской пробовал один металл за другим, сплавлял их в разных сочетаниях. И только после долгих трудов ему удалось создать нужный сплав из стали, алюминия и эмали, который не боялся кислоты, высокой температуры.

В тесном деревянном флигеле завода изобретатель совершенствовал свою модель. «Так начиналась эта работа,— вспоминает он,— с широкими перспективами, с муками конструкторской мысли и хорошим фундаментом».

Летом 1914 года в присутствии руководителей предприятия модель подверглась испытанию. Горячие газы шли плотно, с большим напором, вращали лопасти турбины, на валу которой находился винт.

Экзамен был сдан. Самые заядлые скептики, уверявшие, что автору не удастся внести что-то новое по сравнению с иностранными изобретениями, признали успех изобретателя турбовинтового двигателя.

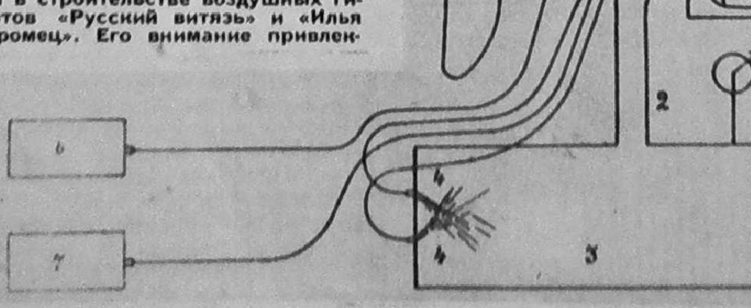
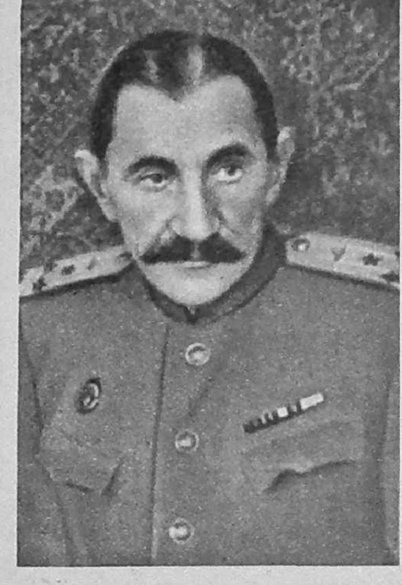

Схема двигателя М. Н. Никольского.

Полковник авиации в отставке М. Н. Никольской.

Инженер предусмотрел и другое. Его комбинированный двигатель не только вращал винт: он мог одновременно придавать самолету дополнительное движение — отработанные газы, вытекая, будут подталкивать машину вперед.

Возле флигеля собирались толпы. Всех удивлял резкий, звенящий свист, какой слышим мы, когда в голубом поднебесье с огромной скоростью пролетает реактивный самолет.

В 1914 году Никольской подал заявку в министерство торговли и промышленности и в дальнейшем получил привилегию на свое изобретение.

Завод приступил к сооружению двигателя мощностью в 160 лошадиных сил. По расчетам, четырех таких установок было достаточно, чтобы поднять тяжелого «Илью Муромца». Цехи охотно выполняли заказ, но грянула война. Она оборвала столь успешно начатое дело.

Никольского как морского офицера отозвали во флот, назначили старшим механиком эскадры воздушных кораблей. После Великого Октября вместе с известным летчиком А. В. Панкратьевым он участвовал в организации отрядов тяжелых самолетов, в годы гражданской войны громивших интервентов и белогвардейцев.

Никольской — воспитатель летчиков, конструктор и изобретатель. Как вести самолет в ненастье, когда непроглядная пелена тумана скрывает земные ориентиры? Теория авиационной навигации, разработанная инженером-моряком, позволила летать и в плохую погоду.

Зимой трудно запустить двигатель: его нужно предварительно разогреть. Никольской предложил оригинальный тип грелки, который применяют и поныне. Ему принадлежат новая схема самолета, где реактивные двигатели расположены в крыльях, оригинальная конструкция вертолета, различные приборы и другие изобретения, которые обогатили отечественную технику. Советское правительство высоко оценило деятельность полковника авиации М. Н. Никольского, наградив его орденами.

Едина цепь, связывающая прошлое с настоящим. Новое слово в науке сказал создатель газовой турбины, замечательный русский инженер П. Д. Кузьминский. Его идею дополнил и развил лейтенант М. Н. Никольской. В своем двигателе он применил не бензин или керосин, а необычный, оригинальный вид горючего — смесь двух жидкостей. Столь удивительный источник огромной энергии привлек внимание конструкторов современных самолетов, нашел свое воплощение в реактивной авиации сегодняшнего дня.

На наших вкладках

Творчество художников-передвижников, поборников жизненной правды, народности и идейности искусства,— одна из славных страниц истории передовой русской культуры второй половины прошлого столетия. Их произведения будили думы о матери Родине, прекрасной в своей русской красоте, о печальной доле народа, могучего, но униженного самодержавно-помещичьим гнетом.

В славной плеяде художников, посвятивших свои силы служению родному народу, величавыми вершинами возвышаются Репин и Суриков. С ними рядом Крамской, Перов, Ярошенко, Максимов, Шишкин, Владимир Маковский, Прянишников, Мясоедов, Корзухин... Не всем из них дано было, как Репину и Сурикову, потрясать умы современников: рука об руку с великими художниками шли и делали одно общее дело многие скромные труженики, оставившие свой след в русском искусстве. Их полотна не покорят нас, быть может, великолепным совершенством живописной техники, неисчерпаемым богатством таланта, но и в этих художниках дорога нам их преданная сыновняя любовь к родной земле, к родному народу.

В этом номере на цветных вкладках воспроизведены картины четырех художников-передвижников: И. Прянишникова «На пароме», Влад. Маковского «Дети на реке», К. Лемоха «Где болтались?», А. Корзухина «Птичьи враги». Последняя находится в Государственном Русском музее в Ленинграде, три первых — в частных собраниях и публикуются впервые.

Все это жанровые сценки из повседневной жизни русского крестьянства, деревенской детворы. Правдивая, реалистическая манера исполнения, простота и ясность художественного рассказа делают эти картины чрезвычайно привлекательными.

Глубокое знание народной жизни, умение тепло, сочувственно показать облик простых людей из народа отличают полотно И. Прянишникова «На пароме». Этот незамысловатый рассказ о паромщиках, которые двигают свое утлое суденышко по реке, о пассажирах парома — небольшой живописный документ повседневных дел простых людей из народа.

Мягкого, чистосердечного юмора исполнено полотно К. Лемоха «Где болтались?». Двое ребятишек, должно быть, тайком от матери убежали в лес за грибами. И теперь, вернувшись домой, они боязливо, с полным сознанием своей вины, смотрят на сердитую мать: как бы не досталось! В картине хорошо передана ласковая, несколько суровая — быть может, от трудной жизни — забота матери-крестьянки о своих детях. Обаятельны сами ребятишки: в них много общего с тем, как изображал крестьянских детей Некрасов. Художник говорит и об убогом крестьянском быте и о горькой нужде, которая, видимо, крепко обосновалась в этом доме.

Теплым и благожелательным чувством проникнуты две другие картины. Особенно привлекательна картина Маковского «Дети на реке» с хорошо написанным типично русским пейзажем, с тонко переданным ощущением жаркого летнего дня. Словно выхвачена из жизни и картина А. Корзухина «Птичьи враги».

По сей день радуют нас своей человечностью, бесхитростной чистотой и искренностью картины передвижников.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

А. И. Корзухин (1835—1894) ПТИЧЬИ ВРАГИ

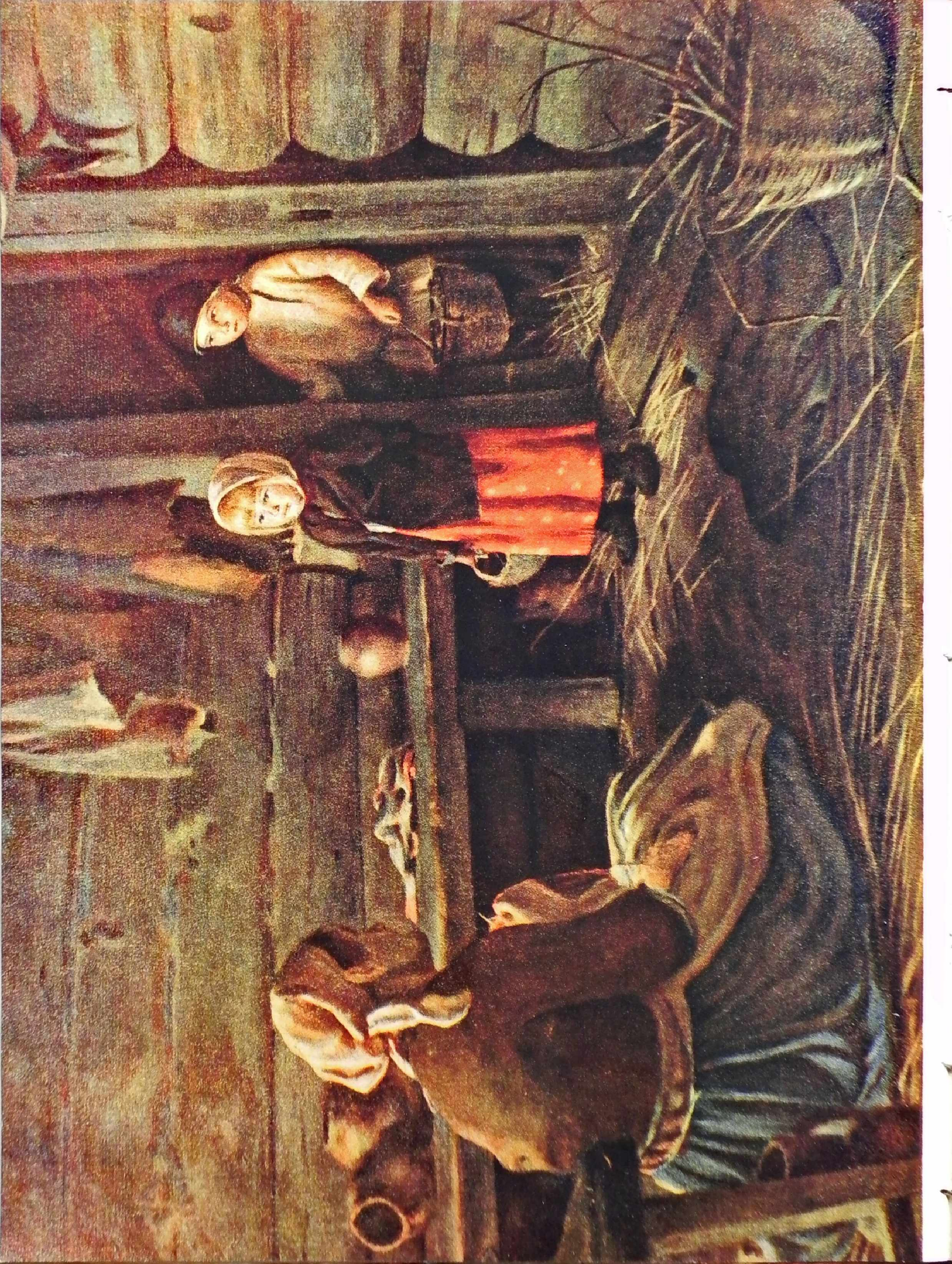
И. М. Прянишников. (1840—1894). НА ПАРОМЕ.

Из частного собрания. Ленинград.

В. Е. Маковский. (1846—1920). ДЕТИ НА РЕКЕ.

Из частного собрания. Ленинград.

Стервятники

В. МОРЕВ

Рисунок Бор. Ефимова

— Хотите посмотреть наших американских геополитиков? — спросил меня знакомый американский журналист. И, отвечая на мой недоумевающий взгляд, пояснил: — Они уже второй день заседают в гостинице «Рузвельт», на Мэдисон-авеню. Во время войны эти господа было поутихли. Но теперь спрос на их «теории» явно возрос. Кое-кто из людей с Уоллстрита щедро финансирует издание их книг...

Через несколько минут мы входили в мраморный вестибюль нью-йоркской гостиницы «Рузвельт».

Конференция «Ассоциации политических наук» — таково было официальное название этого сборища — заседала в одном из тех залов, в которых обычно устраиваются шумные банкеты бизнесменов или задаются парадные обеды. Но сегодня обстановка в зале была иная. На небольшой платформе за столом сидела группа джентльменов сугубо штатского вида и двое или трое военных в куцых мундирах светлобутылочного цвета. В стороне возвышалась кафедра лектора, и за ней на деревянных щитах висели цветастые географические карты... За кафедрой стоял полковник — фамилия его оказалась Пули — и, тыкая длинной указкой в огромную карту Советского Союза, многословно, но весьма туманно толковал о рельефе советской земли, об атомных бомбах и наилучших способах их доставки к границам СССР и о прочих «геополитических факторах».

Публики в зале набралось немало — человек триста; все слушали докладчика с сосредоточенным вниманием.

По профессиональной привычке журналиста я вытащил было записную книжку. Но от стены тотчас же бесшумно отделился молодой человек. Свистящим шепотом он предупредил нас, что записывать лекцию и приводить из нее в печати прямые выдержки нельзя...

— Однако мы ничего не будем иметь против,— добавил он с любезнейшей улыбкой,— если вы воспроизведете высказываемые здесь идеи и теории в вашей газете, не ссылаясь на их источник...

Когда доклад закончился, кое-кто из публики бросился к кафедре, шумно поздравляя докладчика, остальные повалили в фойе. Разговоры велись громко и без стеснения.

— Мы услышали сегодня как раз то, что нам нужно!..— оживленно восклицал джентльмен с одутловатыми щеками. («Газетный издатель,— успел шепнуть мне мой спутник.— По воскресеньям его газета расходится миллионным тиражом!») — Как вы там ни мудрите,— продолжал издатель,— но решать на международной арене всегда будет сила, и только сила... Отсюда вывод: с соперником лучше всего разговаривать, приставив к его лбу дуло пистолета...

Издателя внимательно слушал сухощавый с тонким извилистым носом человек в старомодном синем пиджаке. Это был профессор Колумбийского университета.

— Было бы опрометчиво в точности копировать методы гитлеровской Германии,— назидательно возразил он.— Гитлеровцы потерпели крах, и это у всех в памяти... Надо искать новые формы, хотя, конечно, содержание в силу необходимости остается прежним... Из... гм... алгебраического уравнения, которое определяет соотношение сил на международной арене, исчезли лишь некоторые величины. Но борьба мощных антиподов осталась в силе. С точки зрения геополитики, Советский Союз — самый значительный фактор международной обстановки... Значит, огонь — пока дипломатический, — профессор скривил в улыбке тонкие, бескровные губы,— против Советов. А поводы всегда можно придумать... На то у нас и существуют газетные издатели,— любезно поклонился он толстощекому.

Тот хотел что-то сказать, но в это время мимо прошел человек в строгом, темном костюме, с очень подвижными глазами, словно присасывающимися к лицам окружающих...

— Уолш... Эдмунд Уолш...— послышались сдержанные голоса.

Словно куры на просо, к нему сбегались геополитики.

— Не встречали? — спросил меня мой спутник.— Этот человек не любит широкой гласности и предпочитает действовать втихомолку, как и все иезуиты, впрочем... Но влиянием он пользуется большим, и не где-нибудь, а в Вашингтоне...

— Вот это человек! — восторженно шлепал губами толстощекий издатель, провожая глазами Уолша.— Смелость, прямота! Говорит, что думает...

— Знаете,— прервал его профессор,— на нашей конференции он председательствует в секции, которая занимается вопросами «холодной войны» против России... Вступительное слово у них произнес,— профессор сделал торжественную паузу,— сам Джон Фостер Даллес!..

* * *

В один из сентябрьских вечеров 1945 года в уютном кабинете виллы Хартшиммельхоф, в Южной Баварии, сидели, неторопливо беседуя, два человека. Один из собеседников — в форме полковника американской армии — почтительным тоном задавал вопросы. Другой — высокий старик с отечным лицом и потухшими глазами, в старой охотничьей куртке и потертых генеральских сапогах — разглядывал свои синеватые ногти и, не торопясь, отвечал.

Вопросы задавал вице-президент Джорджтаунского иезуитского университета в Вашингтоне Эдмунд А. Уолш. В отечной физиономии старика трудно было узнать генерала Карла Гаусгофера, главаря германских геополитиков, советника Гитлера, близкого друга и учителя Гесса. Этот «профессор» за время своего служения «науке» империалистических захватов и разбоя успел выпустить 40 томов геополитических «исследований» и более 400 статей, в которых нарочито запутанные рассуждения о «географических факторах» и расистские бредни о «праве сильного» были призваны маскировать подлинную движущую пружину империалистической агрессии — погоню капиталистов за максимальной прибылью.

Официально Уолш прибыл к Гаусгоферу по поручению американских военных властей для предварительного допроса с тем, чтобы установить, следует ли отнести Гаусгофера к главным гитлеровским военным преступникам. Но беседа сразу приняла если не сердечный, то, во всяком случае, весьма неофициальный характер. Она скорее напоминала разговор почтительного ученика с престарелым учителем.

Сам Уолш рассказал об этой встрече в одной из своих книг, вышедших после войны. Он поведал, что за первой встречей в Хартшиммельхофе последовали более длительные беседы в Нюрнберге. Там Уолш, которому официально было поручено допрашивать Гаусгофера, по существу, помогал «профессору» оправдывать и защищать свою разбойничью «науку».

Причина такого снисходительного отношения «следователя» совершенно ясна. Эдмунд Уолш — один из «ученых» иезуитов в Соединенных Штатах, негласный и влиятельный эмиссар Ватикана. В Джорджтаунском университете он возглавляет дипломатический факультет, поставляющий кадры для Пентагона и госдепартамента. Но, рассказывая о Гаусгофере, американский геополитик не прибегает ни к иезуитскому словесному туману, ни к дипломатической уклончивости. С похвальной откровенностью он признает, что гаусгоферовская «наука» полностью использовалась им при обучении американских офицеров и дипломатов.

«В течение более двадцати лет,— писал Уолш,— объемистые писания и многообразная деятельность германского генерала (Гаусгофера. — *В. М.*) привлекала мое внимание и предоставляла материал для многочисленных учебных курсов и семинаров в Джорджтаунском университете. После Пирл-Харбора она являлась темой для учебных курсов и семинаров в школе командного состава армии и академии генерального штаба в форте Левенворт (штата Канзас), в школе военных прокуроров в Энн-Арбор и в военно-интендантской

К. В. Лемох (1841—1910). ГДЕ БОЛТАЛИСЬ?
Из частного собрания. Ленинград.

школе в Кэмп-Ли (штата Виргиния)... Что добавил Гаусгофер к работам предшествующих представителей политической географии? Универсальность, практичность и определенные политические цели. Он вышел далеко за пределы региональной и ограниченной сферы его классических предшественников в этой области и встал на мировую основу...»

«Мировая основа» фашистской геополитики, бредовые планы завоевания мирового господства — вот что влечет к себе всех нынешних американских последователей Гитлера.

* * *

Еще лет пять тому назад в прогрессивном бюллетене «Трэндс энд Тайдс» было опубликовано письмо генерала Холдриджа. Этот генерал был уволен в отставку из американской армии за то, что пытался несколько демократизировать порядки в возглавлявшейся им интендантской офицерской школе. Холдридж рассказывает в своем письме о том, как велико практическое влияние Уолша на подбор не только дипломатов для государственного департамента, но и высших офицеров на ответственные посты в Пентагоне. Холдридж еще тогда предсказывал, что клика Уолша выдвинет на очень высокий военный пост генерала Коллинза. Тогда ему не поверили. Однако вскоре Коллинз был назначен начальником генерального штаба американской армии. Это лишний раз подтвердило, что «теоретик» геополитики Уолш — влиятельная закулисная сила в правительственных кругах Вашингтона...

Но, разумеется, Уолш далеко не единственный представитель американских геополитиков. «Ученых» из породы империалистических стервятников развелось в США немало. Не так давно издательство Прентисс Холл в Нью-Йорке выпустило книгу одного из таких услужающих поджигателям войны «профессоров», Вильяма Хесслера.

Автор не дилетант и не новичок в международной политике. Хесслер — редактор иностранного отдела выходящей в Цинциннати газеты «Энкуайрер» и давний комментатор местной радиостанции. Перед войной он служил вице-консулом в Бомбее, а потом занял профессорскую кафедру в Дюбукском университете, в штате Айова.

Сей «ученый» далеко превосходит наглой прямолинейностью Уолша и его присных. Если последние в своих писаниях старательно держатся фальшивой «научной» терминологии и изо всех сил тщатся доказать, что занимаются всего лишь «политической географией», то из-под пера Хесслера американская геополитика выступает в своем подлинном обличье. Это «кодекс» международных грабителей с большой дороги.

«Геополитика,— пишет Хесслер с откровенностью громилы,— в значительной степени представляет собой то же, что планирование военной операции. Прежде всего вы пытаетесь установить, чего вы хотите... Затем вы осматриваетесь, стараетесь увидеть, где вы находитесь на земле, кто с вами, что должно быть сделано в свете географических факторов. Затем вы делаете то же самое в отношении потенциальных врагов, изучаете оружие и ресурсы, находящиеся в ваших руках, оценивая их применительно к вашей общей географической проблеме. Затем, хотя это и требует некоторых усилий, вы просто складываете все это вместе и делаете политику. Это геополитика».

Трудно циничнее и проще определить агрессивную суть геополитики!

Хесслер, как и Уолш, не стесняясь, ссылается на своих духовных предков — гитлеровских фашистов. При этом он заявляет, что «просвещенная идеология» американских претендентов на мировое господство — вполне достаточный предлог для того, чтобы использовать, как он выражается, «технику, несколько дискредитированную ее печально-знаменитыми проводниками».

Сквозь дымовую завесу «теории» у Хесслера, как и у его духовных предшественников, явственно проступает «практика» — прямые и циничные расчеты, связанные с планами агрессии против СССР и других демократических стран. Его приводит в бешенство тот очевидный факт, что Советский Союз и страны народной демократии дают пример братского сотрудничества и дружбы свободных стран, пример, который в корне опровергает все геополитические рассуждения о том, что «закон джунглей» — якобы единственно возможная основа международных отношений. И вот, брызгая ядовитой слюной, Хесслер пускается во все тяжкие, чтобы «доказать», будто война есть «нормальное» и единственно возможное средство национальной политики США.

«Мы, американцы,— заявляет Хесслер,— можем и должны вернуться к рациональному пониманию войны. ...Угроза войны с подразумевающимся в ней массовым уничтожением остается основным инструментом американской внешней политики...»

Естественно, что, проповедуя «неизбежность» войны, американские геополитики злобно поносят идею мира. Хесслер силится убедить своих читателей, что мир — это не «окончательная цель», а, видите ли, «навязчивая идея» и «вредное суждение».

Трудно перечислить все гнусности, которые проповедует этот «ученый» людоед в тщетном стремлении заполучить простых американцев в сообщники преступного заговора монополий против народов. И, конечно, не случайно то и дело Хесслер, как и все его геополитические собратья, возвращается к мальтузианским теориям искусственного сокращения населения. А отсюда рукой подать до атомной бомбы, как практического средства этого сокращения. Атомная бомба, как прямо заявляет Хесслер, может служить «орудием в разнообразном арсенале средств для контроля численности населения».

Для полноты картины нельзя не упомянуть о том воистину рекордном цинизме, с которым Хесслер рассказывает, как в США искусственно разжигается преднамеренная кампания клеветы, вражды и ненависти к Советскому Союзу.

«Существует несложная техника для того, чтобы обеспечить поддержку новой политики, сколь бы она ни была далека от традиций и сколь бы она ни была дорогостоящей,— говорит Хесслер.— Это привлекать внимание к иностранному противнику, искусственно преувеличивать опасность, которую он представляет, и возбуждать к нему враждебность. Когда салазки смазаны ненавистью, можно пустить в ход почти любую политику, и она будет пользоваться поддержкой». И Хесслер без обиняков признает, что именно такая политика давно уже ведется в США в отношении Советского Союза...

* * *

В американской армии геополитика в большом почете. Военное министерство выпустило немало стандартных брошюр — «Арми ток». Они предназначены для бесед офицеров с солдатами, из которых монополии хотят на «научной» основе воспитать грабителей и истязателей народов. Достаточно перелистать любую из таких брошюр, и сразу видны знакомые «принципы» геополитики в духе Уолша, Хесслера и прочих.

Во вступительной беседе о геополитике («Арми ток» № 167) мы находим следующее рассуждение: «Многие рассматривают геополитику с подозрительностью, так как это слово ассоциируется с нацистской агрессией и войной... Мы не должны, однако, сбрасывать со счетов фактические исследования, проведенные в Мюнхенском институте геополитики (институт Гаусгофера). Именно эта работа помогла германскому военному командованию в планировании войны, которая почти закончилась успехом».

«Почти»... закончилась успехом! Трудно сказать, чего больше в этом «почти»: беспардонной лжи или злобного сожаления по поводу разгрома нацистского райха Советской Армией!

* * *

Читая рассуждения геополитических стервятников, я невольно вспомнил одно ясное мартовское утро 1946 года.

Утро это поднималось над горами Южной Баварии. Солнце золотило крыши деревенских домов, синюю гладь озера, и лучи его все ярче освещали землю, уже начинающую просыпаться от зимнего сна и от жестоких бурь войны.

Солнечный луч пробился сквозь голые ветви деревьев и осветил неглубокую ложбинку в глухом углу поместья Хартшиммельхоф. Здесь протекал мутный, по-весеннему говорливый ручей. На берегу его, на сырой весенней земле, неподвижно вытянулась какая-то странная фигура.

Бывший генерал, бывший профессор Карл Гаусгофер, главарь школы гитлеровских геополитиков, отравившийся крысиным ядом, лежал мертвый. Лицо трупа было повернуто в сторону от солнца. Старческие цепкие пальцы судорожно впились в весеннюю землю, словно хотели задушить ее в бессильной судороге ярости. Его «идеи», подлое дело всей его жизни, были разбиты в прах вместе с поверженной империей Гитлера. Его самого задушила ненависть к людям, которым земля нужна для труда и счастья, а не для войн и порабощения.

Те, кто толкнул немцев в безумный поход за завоевание мира, истлевали в это время под бетонными бункерами в Берлине. А трубадур грабительских войн уткнулся носом в грязь, распростерся на весенней германской земле, уже пробуждавшейся к жизни.

Эту картину разгрома, тлена, смерти и торжествующей над ними жизни не любят вспоминать американские последыши Гаусгофера, когда они произносят свои отравленные речи. Они хотели бы стереть из памяти народов урок, преподанный историей в назидание всем претендентам на мировое господство. Но народы за это время многому научились. Народы не обманешь!

Этот снимок, опубликованный английской газетой «Санди кроникл», сделан при помощи особой фотопленки во время детского киносеанса. Ужас на лицах детей, смотрящих очередной американский гангстерский фильм, испуганные позы девочек, расширенные от страха глаза мальчиков сильнее всяких слов обличают голливудских растлителей. Что видят эти дети на экране? Убийства, кровь, насилие! Вот какую «культуру» экспортируют за границу американские кинодельцы!

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Рассказы

Сергей НИКИТИН

Рисунки В. Высоцкого.

Двадцать лет спустя

Из окна гостиницы вижу, как по огромному песчаному пустырю, где должен быть парк, мелкими шажками не ходит — бегает коренастый старик с белой апостольской бородой, приседает, чертит что-то на песке пальцем и бежит дальше. Его сопровождают двое — тощий парень на длинных ногах и пухленькая девушка, которой, кажется, всегда жарко: у нее расстегнут ватник, и платок откинут с головы на спину. Я уже знаю, что это садовник Степан Маркович Майков и его бригадиры. На улицах города я часто встречал их, всегда занятых, спешащих и деловитых; здороваясь, они каждый раз стыдливо прятали свои руки, выпачканные в нездешнем — привозном — черноземе, но было как-то особенно приятно пожимать эти руки, стараниями которых вдоль улиц, еще не достроенных, вытянулись ряды деревьев, заслоняющих от глаз человека безотрадный вид песчаных кучегуров.

С Майковым меня познакомил преподаватель физики из института гидромеханизации Виталий Иванович Малыгин, считавший себя «старожилом» этого полуторагодовалого города. Жизнь города радовала его во всех ее положительных проявлениях. И не только радовала,— она вызывала в нем гордость, какую обычно испытывает только деятельный творец ее. У Малыгина эта гордость приняла чрезвычайно беспокойную для него форму. В дождь, в холод, под пронизывающим ветром он бродил со мной в добровольной роли проводника по всей стройке. Невысокий, подвижный, с благодушной полнотой во всем теле, он шагал, мужественно подставляя дождю и ветру свое вытянутое, одутловатое лицо с маленьким носиком, и рассказывал обо всем вдохновенно и длинно. Слова совершенно свободно истекали из его круглого, аккуратного рта, он ни разу не споткнулся, подыскивая нужное слово, и казалось, читал по писаному. Манерой говорить непринужденно и книжно отличаются обычно люди очень знающие, начитанные, но неглубокие. Таким, в сущности, и был Виталий Иванович Малыгин.

Знакомя меня с Майковым на огромном пустыре перед столовой, где шла планировка площади под новый парк, он весело воскликнул:

— Представьте, этот оригинал пришел на стройку пешком за две сотни километров!

— Почему же пешком-то? — спросил я Майкова.

В кротких глазах старика на миг сверкнул какой-то бесоватый огонек, и, заговорщически нагнувшись ко мне, он сказал:

— Удача у меня такая.

— Удача по-украински значит натура, характер,— подсказал мне Малыгин.— Так, Степан Маркович?

— Мабуть, и так, я не спорю.

Улыбки его не было видно, но чувствовалось, что она играет в белой бороде, лукавая, колючая, готовая ужалить.

— Да и погода была не та, чтобы на машине ехать.

— Дороги размыло?

— Нет, хорошая, знойная была погода.

Он взял меня за пуговицу пальто, притянул к себе и, все так же бесовато играя глазами, сообщил:

— Я всю жизнь землю эту ногами мерил. В гражданскую ходил, в отечественную в партизанщине ходил, и теперь надо было пройти, посмотреть да смекнуть. Разумеешь?.. Вот. Ну, вам в какую сторону? В ту? А мне сюда. Бывайте здоровы!

Он отошел от нас на несколько шагов, присел, выгнув колесом крутую стариковскую спину, и стал чертить ржавым пальцем на мокром песке, объясняя что-то бригадиру.

Бывают встречи и события, которые внезапно освещают новым светом кусочек забытого прошлого, и тогда он всплывает в памяти отчетливо и ярко. Так вспомнился мне после встречи со старым садовником город моего детства.

В то время город представлял собою довольно беспорядочное скопище серых бревенчатых домов; кирпичных церквей мясного цвета, занятых под склады; ларьков — продуктовых, галантерейных, скобяных — и просто незастроенных пустырей, заросших седой пахучей полынью и лопухами.

В самом центре находились знаменитые ямы. Когда-то здесь брали для строительных целей известняковый камень и оставили ряд глубоких рытвин, заросших потом сорной травой. Сюда валили мусор; ямами пугали нас, детей, как обиталищем воровских шаек, впрочем, вряд ли существовавших.

Как-то неожиданно из тихой жизни нашей улицы вынырнул большой косматый человек и встал на виду у нас. Фамилии его я не помню, взрослые звали его просто Яковом, хотя был он уже не молод. На узких плечах его покоилась голова без шеи, спина сутулилась, ходил он, неестественно наклонясь вперед, и казалось, что жизнь долго била по нему, как молот по длинному гвоздю, но не забила, а только погнула слегка.

Дом Якова стоял в конце улицы, возле самых ям, и глядел на мир двумя окошками сквозь заросли дикого винограда, словно из-под насупленных бровей. За домом рос сад, вздымаясь пышными клубами зелени над заборами и крышами.

Большая семья Якова — жена и пять или шесть дочерей-погодков, миловидных и очень похожих друг на друга,— летом от зари до зари трудилась в саду. Старшие дочери продавали на городском бульваре цветы редкой красоты — тюльпаны, пионы, ирисы. Сам Яков работал, кажется, на железнодорожной станции, но все свободное время проводил в своем саду.

— Все вот этими руками сделано,— говорил он своему соседу Федору Кантонистову.

Руки были широкие, с короткими пальцами, на суставах кожа собиралась в толстые складки; в них и под квадратными ногтями залегла несмываемая грязь. На тыльной стороне ладони, выпукло вздымая бурую кожу, протянулись сизые жилы. Яков и Федор Кантонистов — в летах, подслеповатый и какой-то мохнатенький, точно вываляный в пуху перин — сидели на лавочке перед домом. Был вечер. Румяное маслянистое солнце, разжигая пожар зари и кидая на окна домов красноватые отблески, скатывалось в конец улицы. Шли с пастбища коровы, останавливались возле закрытых ворот и просяще ревели низким сытым ревом.

— Сад у тебя хороший, редкостный,—охотно соглашался Кантонистов, кивая клинообразной головкой.— Входишь в него, как в сказочное царство. Дивно!

Но когда Яков простился с ним и пошел, словно падая вперед, сосед тихо, со злобой и презрением проворчал ему вслед, щуря красные глаза:

— Развел сырость, все заборы у меня сгноил, затейник!

Однажды Яков вышел с лопатой, выкопал несколько квадратных ямок и посадил перед домом деревья.

— Правильно,— похвалил Кантонистов, — большое украшение всего вида будет.

Яков, возбужденный, с блестящими глазами, сел на лавочку.

— Вот так бы по всей улице протянуть! — сказал он с несвойственной для него страстностью.— А потом по всему городу. Во второй ярус, скажем, посадить сирень, а понизу пустить бордюрчик из жимолости... Заиграл бы тогда город, ух!

— Дивно! — подхватил Кантонистов.

— Я хочу с таким делом в горсовет обратиться, — решительно признался Яков.— Я уже и чертежи составил, все, как полагается. Думаешь, примут дело?

— Должны, — убежденно сказал Кантонистов, а через час, собрав вокруг себя мальчишек, нашептывал им: — Вы, огольцы, сломайте у Яшки деревья-то, я вам за это морковки с гряды надергаю. Ладно?

И мы добросовестно заработали по пучку морковки.

Потом сломали деревья во второй раз и в третий...

Того, кто попадался в могучие руки Якова, он поворачивал, рассматривая, словно диковинное насекомое, и говорил, как будто советовался:

— Ну, что ты дрыгаешься, как поросенок? Напакостил и дрыга-

ешься? Уши тебе драть? Или в школу свести? Стыдно, наверно, будет? Если перед всей школой-то осрамят, а? Плохо ведь будет, брат?

Сидя на лавочке с Кантонистовым, он рассказывал, задумчиво улыбаясь и отводя косматые волосы от глаз:

— Был в горсовете, виделся с председателем. Смешной такой человек. «Я,— говорит,— сам люблю эти цветочки-листочки. Только планы у тебя,— говорит,— очень уж широкие, не по силам сейчас нам. Погоди,— говорит,— дойдет и до них черед». Спрашиваю: долго ждать? Руками развел. «Я,— говорит,—человек в союзных масштабах маленький, мне пророчествовать трудно. Жди». «Ладно,— говорю,— долго ждали, еще немножко можно. Я дождусь! Я дождусь, мать честная!»

Может быть, от страха перед угрозой Якова осрамить на всю школу, а может быть, от доброты сердечной и раскаяния кто-то из мальчишек рассказал Якову о кознях Кантонистова. Их перестали видеть вместе на лавочке, а Яков при встрече с соседом даже отворачивался. Подслеповатыми злыми глазками Кантонистов выцеливал идущего мимо Якова и всегда бросал что-нибудь обидное.

Мы играли в прятки, закидывая палку. Я побежал за ней на улицу и слышал, как Кантонистов, стоя у своих ворот, спросил с ехидцей мирно шагавшего Якова:

— Ждешь все? Ждешь? Ну, жди. Лбом стену не прошибешь!

Яков остановился, стремительно сграбастал своей ручищей оторопевшего Кантонистова и притянул к себе.

— Кому ты пакостишь? — задыхаясь, спросил он, поворачивая соседа в руках, как поворачивал пойманных мальчишек.— Ты думаешь, мне, Яшке, пакостишь? Размозжил бы тебе, погань, голову об камень, ей богу, не жалко! Да землю пачкать неохота!

На крик Кантонистова сбежались мальчишки и, видя, как сильный, разъяренный человек трясет другого — тщедушного и испуганного,— невольно прониклись понятным уважением к первому.

Вспоминая все это, я сижу в парке и смотрю, как по Днепру ходят широкие волны. Они без ряби, без ноздреватой пены на верхушках, и вода поэтому кажется похожей на густое синее стекло. От нее, от земли, обильно вспрыснутой вчерашними дождями, поднимается пар, и вся заречная даль с холмами, меловыми оврагами, постройками струится и плывет, словно истаивая на глазах.

Парк юно зелен, свеж; в траве яркой, как молодая озимь, кое-где приютились даже цветы, и только голые пирамидальные тополя, торчащие вдоль берега, точно туго связанные веники, напоминают о том, что стоит глубокая осень. Этот безоблачный, ласкающе-мягкий день выпал невзначай среди других, по-осеннему мокрых, ветреных и холодных. И кажется, что все радуется ему, все благословляет его. Недалеко от шумных, лязгающих железом причалов резвится, взрывая остекленевшие волны, стройная перелетная уточка, она упивается этим синим водным раздольем, ликует, приветствуя солнце, щедро льющее на землю свое последнее тепло. Глядя на нее, хочется и для себя найти такие движения, порывы, может быть, песни, в которых излилась бы радость, рожденная в душе миротворным сиянием этого дня...

У входа в парк девушки в расстегнутых ватниках сгружают с грузовика тяжелые бетонные вазы. Несколько таких ваз уже есть в парке; из них, словно перекипая через край, ниспадают вьюнок, хмель и настурция.

На этом же грузовике приехал Майков и теперь сидит рядом со мной. Он одет в новый, необмятый ватник, сапоги; шапку снял и белый, как голубь, смотрит вдаль зачарованно-кротким взглядом. Чтобы завязать разговор, спрашиваю:

— Плохо, наверно, приживаются саженцы на песке?

Старик глядит на меня так, словно только что заметил, и говорит с ленцой в голосе:

— Привыкнут. Человек — и тот ко всему привыкает, а дерево привыкнет.

Молчим.

— Я, хлопец, самовары люблю,— неожиданно говорит Майков.— Поставишь его в такой день на стол, ну, словно солнца кусок в хату внес. На Украине чай не любят, а я люблю. Я ведь сам-то нездешний родом, а ярославский. Однако смолоду на Украине живу, привык и к обычаям и к языку.

— Не тянет на родину?

— Забыл. Я еще юнцом оттуда ушел, закинуло меня под Варшаву, там и садоводство освоил. Учил меня этому делу один помещик, у которого я батрачил. Они, помещики-то, тоже для себя кадры готовили, чтобы потом соки из них жать. Он же отправил меня сюда, на Украину, вроде бы на практику, а я тут и остался. Да, пожито, поброжено... А в эту землю навечно врос. Хорошая земля, сильная, любой росток шутя выносит. В колхозе под Никополем у меня фруктовый древопитомник был, славно дело шло.

— Трудно вам здесь?

— Семьдесят мне,— как бы напоминая, говорит он.— В эти годы все уже нелегко, да меня берегут. Вот в санаторий посылают. Ехать?

— Не знаю, вам видней.

— Вот то-то, не знаешь!

Он вдруг рассердился, нахлобучил шапку и принял какой-то обиженно-ершистый вид.

Опять долго молчим. Но, видно, теплая ласковость дня действует на него умиротворяюще. Мало-помалу глаза его вновь приобретают выражение кротости, он блаженно потягивается, вздыхает и говорит сквозь улыбку:

— Бархатный день. Весной пахнет!..

И действительно. Как часто бывает в такие осенние дни, полные влаги, тепла и солнца, в воздухе нет-нет, да и повеет коротко, но внятно полузабытой весной. Сейчас это ощущение особенно стойко благодаря весеннему виду парка, и, может быть, именно оно томит радостью, просящейся вылиться в песне, как томит настоящая весна...

Семь слонов

На пристани в З. я встретил своего недавнего знакомого, инженера Андрея Ильича Пеплова.

— Опять на стройку? — спросил он, когда мы пожимали друг другу руки. — А я из отпуска возвращаюсь, едемте вместе.

Предстояла длинная ночная дорога, я же выспался накануне в вагоне и теперь был рад этому приятному попутчику. В сущности, я очень мало знал Пеплова. Мы встречались мельком на строительной площадке, на совещаниях, в столовой; неизменно он оставлял впечатление человека веселого, общительного и вместе с тем уравновешенного и трезвого. У него было умное, по-мужски красивое лицо — энергичное, сухое, с твердым взглядом и плотно сомкнутыми неяркими губами. Он одевался опрятно и всегда в новое, даже там, где грозила опасность быть измазанным в известке, глине или машинном масле. Я слышал, как на совет одеваться в таких случаях попроще он ответил:

— Люблю хорошую одежду, да и другим приятно смотреть на человека, когда он красиво одет.

Впервые мы разговорились на одном из совещаний. Он выступал по какому-то мало понятному мне техническому вопросу, но говорил так логично, стройно, чеканно, что я невольно заслушался. В перерыве я подошел к нему и попросил повторить мне все сказанное в более популярной форме. Он ответил: «С удовольствием» — и действительно рассказывал о том, что, очевидно, было близко ему и занимало его, с увлечением. И даже потом, пока длилось совещание, не отходил от меня, комментируя выступления других. Еще я знал, что раньше он работал на восстановлении Днепрогэса и был награжден орденом Ленина.

Мы купили билеты в каюту первого класса и заняли места.

— В этот раз я отказался от всех путевок и навестил своих стариков, пожил на родине,— сказал Пеплов, и в его голосе мне почему-то послышалась ирония.

Он с откровенным наслаждением потянулся на мягком диване, зевнул и прикрыл глаза темными маслянистыми веками, какие обычно бывают у людей очень усталых. И лицо у него тоже было усталое, небритое. Он, очевидно, почувствовал на себе мой взгляд, встрепенулся и, проводя ладонью по щекам и подбородку, смущенно сказал:

— Замшел я в дороге. Спал мало. Мыслишки, знаете, замучили, лезут в голову. Вот приеду, наведу лак... Вы с тех пор не были на стройке? Хо! Не узнаете теперь! У нас все меняется не по дням, а по часам. Был однажды случай, когда я уходил на работу по песку, а вечером возвращался домой уже по асфальту... Однако будем спать.

Спать не хотелось, но, чтобы не мешать ему, я погасил свет и добросовестно залез под одеяло. В каюте было жарко, простыня сбилась, и тело прилипало к кожаной обивке дивана. В умывальнике что-то сосуще чмокало, хрипело, хлюпало; пароход вздрагивал от ударов машины.

Пеплов курил, шумно выдувая дым и дугообразно чертя в темноте огоньком папиросы. Через полчаса он спросил:

— Спите? Жарко, черт возьми! Хотите, выйдем на палубу?

Я согласился. Мы оделись, вышли в холодную, ветреную тьму и долго стояли, подняв воротники и глядя на огни города, все еще видневшиеся далеко-далеко за кормой парохода. Моросил колючий дождик и замерзал, покрывая тонкой ледяной коркой перила, спасательные круги, пол.

— А там уже снег, и я катался в санях,— сказал Пеплов, и опять в его голосе скользнула ироническая усмешка.

Часто за этой усмешкой люди прячут сильные чувства, укрывают ею свой интимный мир от постороннего глаза. Мне показалось, что ирония Пеплова именно такого свойства.

— Вы чем-то расстроены? — сказал я, имея в виду то, что ему лучше пойти в каюту и попытаться уснуть, но он понял мои слова по-своему и махнул рукой.

— Э, длинная история...

Пароход подходил к какой-то маленькой пристани, и когда исчезло ощущение движения, нам стало скучно, и мы вернулись в каюту. Пеплов лег, закурил. Опять было жарко и хлюпало в умывальнике.

— Хотите, расскажу? — спросил вдруг Пеплов и посмотрел на меня прищуренным, словно оценивающим взглядом.

Я уже взялся за книгу, мне не хотелось прерывать чтение, но подумалось, что человеку, вероятно, необходимо высказаться, и я попросил рассказать.

— Эта история началась еще в те времена, когда я был студентом,— сказал он, закуривая новую папиросу. — Я был из тех, кому война помешала доучиться в свое время, и мы, как говорится, понюхав пороху, сели на студенческую скамью рядом с гонористыми безусыми десятиклассниками. На каникулы я приезжал в родной город. Это небольшой районный городок, где за последние пятнадцать — двадцать лет произошло типичное для наших старых городов смещение понятий «центр» и «окраина». Представлению о центре как об асфальтированных улицах, многоэтажных домах, театре, парках в них больше соответствуют окраинные поселки, выросшие вместе с заводами. А центр так и сохранил внешний вид уездного городка. Жители здесь до сих пор отличаются домовитостью, любят возделывать свой огород, держат скотину и, по привычке старых лет, называют магазины лавками Кулева, Опарина, Люлина...

В каждом районном городе найдется несколько десятков столичных студентов, приезжающих на каникулы. Все они знают друг друга, ходят по улицам и в парке группочками, в ясные дни с утра до вечера жарятся на пляже, где играют в «дурака» и фотографируются, а в ненастье собираются у кого-нибудь в квартире и танцуют под патефон. Вот в такой-то ненастный день и познакомился я с Тасей Барышниковой. Она не была студенткой и не приезжала в город на каникулы. Она окончила педагогическое училище и преподавала в младших классах, а танцевать под патефон пришла с подругой...

До сих пор не могу толком разобраться, что привлекло меня в ней. Она точно встала после долгой болезни — тихая, бледная, исхудавшая и с таким кротким выражением миленького личика, что никак невозможно было ее обидеть, даже если бы захотелось. Не только по внешнему виду, но и по характеру она казалась хрупкой, ненадежной, и было очевидно, что в обращении с ней, как с последней спичкой, нужна чрезвычайная осторожность... И еще казалось мне, что она очень нежна, ласкова, а это немало значит для человека, который провел на войне несколько лет... В тот вечер я провожал ее домой. Помню, накрапывал дождь, блестели под фонарями лужи и пахло тополями. Через подруг я стал передавать ей записки, свернутые наподобие аптечных порошков, мы встречались, я провожал ее домой и часами простаивал с ней у ворот. Впрочем, об этом я не буду рассказывать. В жизни каждого есть такие ворота или лестничная площадка и такие аптечные порошки...

Пеплов засмеялся, но тотчас спросил, заглянув мне в лицо:

— Может быть, я грубо сказал? Извините. Я немного злюсь... Да, так вот. Тася всегда выглядела эдакой Несмеяной. Обычно задумчивая, грустная, она лишь изредка становилась веселой, хохотала и даже кокетничала, словно вспомнив, что молода и привлекательна. Обычная ее молчаливость казалась мне серьезностью, она много читала, мне нравилось и это, но о прочитанном она всегда отзывалась только так: «нравится» или «не нравится». Причем, последовательности в этих оценках не было совершенно. Она не любила спорить и легко соглашалась со всеми, только чтобы ее не тревожили. Все подруги любили ее, и я никогда не слышал о ней плохого отзыва.

Со мной она действительно была нежна, ласкова, заботлива, часто писала мне в Москву письма. Теперь я понимаю, что это была все-таки очень пассивная любовь, я же всю жизнь хотел чего-то сильного. Но я ждал, что оно придет, и это вечное ожидание какого-то необыкновенного будущего удерживало меня возле Таси, и я очень любил ее, очень... Я чаще стал приезжать из Москвы, постоянно бывал у Барышниковых в доме. Это просторный серый бревенчатый дом в центре города с большим двором, огородом, со всевозможными пристройками — курятником, сараем для дров и еще сараем, который звали омшаником и где откармливались два поросенка.

Глава семьи, тасин отец, Петр Федорович Барышников, работал кладовщиком в промышленной артели, вырабатывавшей, кажется, трикотаж, и приносил домой так называемые «концы» — отходы. Ими мать — Евдокия Тимофеевна — набивала множество подушек, подушечек, тюфяков и тюфячков, зачем, не знаю. Наверно, для продажи. Этими концами были завалены сени, чуланы, кухня, и пахло от них тряпьем и машинным маслом. Петр Федорович был крепкий, сухой мужчина с сизыми прожилками на скулах и носу, с рыжеватыми усиками, короткими и, вероятно, очень жесткими. Мне он частенько говаривал:

«Мы, товарищ студент, люди простые и живем по-простому».

А сквозь его цепкие, острые глаза так и глядел хитрый кулачок. И когда он ходил по двору или скалывал у дома лед — точно, от угла до угла, чтобы не задеть сторону соседа,— то во всех его жестах, взгляде, осанке выражалось приятное его сердцу сознание: «Это мое». Любил он поговорить со мной о коммунизме. И говорил всегда как бы с потребительской точки зрения.

«Вот ты человек ученый. Растолкуй мне, пожалуйста, как это все будет доставаться людям по потребности? — вопрошал он с недоверчивой усмешкой в глазах.— Они же тогда все растащат. Я вот, например, дворец захочу, а другой еще чего-нибудь похлеще. Как же?»

Разъяснять мне не хотелось, я вяло говорил что-то о высоком уровне сознания; усмешка в его глазах становилась еще более недоверчивой, а мне начинало казаться, что ему хотелось бы попасть в коммунизм именно с его теперешним сознанием,— уж он бы тогда не растерялся!

Евдокия Тимофеевна выглядела довольно старой, дочь у нее родилась поздно, и рядом с Тасей она больше походила на бабушку, чем на мать. В сущности, это была простодушная и добрая женщина, но такая примитивная, что любой разговор непременно сводила к одной и той же теме:

«Раньше-то как! Фунт мяса — пятачок, фунт сахара — три копейки, французская булка — копейка».

«Вы лучше расскажите, как раньше жили»,— попросишь ее, бывало.

И опять:

«А как жили! Фунт мяса-то стоил пятачок...»

«Ну, как, например, развлекались?»

«А как развлекаться... Дадут тебе пятиалтынный, а раньше-то фунт орехов...»

И так далее. Бо́льшего мне от нее не удавалось добиться. Я тогда уже считался у них, как бы сказать, женихом. Помню, Евдокия Тимофеевна, встретив мою мать на рынке, зазвала ее к себе, показала все тасины платья, сорочки, пальто, а под конец вынула тяжелую лисью шубу и сказала, что предназначает ее мне в свадебный подарок. В студентах, помню, жилось туго. Пока я и отец были на фронте, матери пришлось в крутые военные годы порастрясти все «именьишко», и на мне были только шинель, брюки с пузырями на коленках да жалобно скрипящие сапоги, кончавшие свое существование. Не могу вам

выразить, как противно было мне слышать про эту шубу!

Петр Федорович смотрел на меня оценивающим взглядом, словно старался определить, смогу ли я быть достойным продолжателем той жизни, которую создал он в своем доме, а мне хотелось только одного: скорее преодолеть нерешительность Таси и увезти ее подальше от этой жизни. Но приходилось ждать, пока я кончу институт,— это было непременным условием ее родителей, переступить которое она не находила в себе сил. Неожиданно Петр Федорович появился в Москве, у меня в общежитии. Приехал он купить кое-что, но мне показалось, он опять примеривается ко мне, ощупывает взглядом, прикидывает что-то в уме.

В общежитии он напустил на себя какую-то смиренность и, когда я предлагал ему чаю, говорил со вздохом:

«Коль будет любезность, угощайте».

А мне было противно это ломанье, я нарочно задерживался в институте до полуночи, но он терпеливо ждал меня и заводил разговоры, которых я стыдился перед товарищами. И еще было видно, что он глубоко презирает нашу жизнь, непонятную и чуждую ему... Меньше чем через месяц после его отъезда я получил письмо от матери. Она писала, что Тася вышла замуж за военного врача, которого едва знала, и уехала из города. Непонятно, правда? И я тогда ничего не понял. Было тяжело — вот и все. Я не приезжал домой целый год и только в конце августа, перед началом занятий, приехал на несколько дней. И тут случилось то, чего я не ожидал. Я внимательно прислушивался к рассказам о Тасе, о ее новой жизни где-то на Дальнем Востоке, проходил будто бы невзначай мимо ее дома, бросал взгляды на окна, заслоненные геранями, и наконец встретил Евдокию Тимофеевну. Она, казалось, обрадовалась мне, просила заходить; я сказал, что, может быть, зайду, и знал, что зайду обязательно.

О Тасе она мне сказала:

«Живет хорошо, муж не пьет, не гуляет».

И это, очевидно, в ее понятии было основным содержанием семейного счастья.

Отправился я туда под вечер накануне отъезда в Москву. Помню, весь этот день в небе, точно приклеенная, стояла синяя туча с фиолетовыми подпалинами по краям и только к вечеру стронулась с места и ушла, не уронив ни капли и оставив в воздухе напряжение неразразившейся грозы. Оно сообщилось и мне. Я шел, ни о чем не думая, и только чувствовал, что сегодня мне особенно тяжко и нехорошо. Во дворе Барышниковых ничего не изменилось — тот же крепкий забор, та же бочка под капелью, те же кусты бузины, тот же престарелый дворовый пес, который встретил меня, как своего, и лизнул руку. Я приласкал его, сказал:

«Ну-ну, старина, неужели узнал?»

И с этого момента впал в настроение, испытать которое вовсе не намеревался. Я вспомнил, как сидел на лавочке под бузиной и ждал Тасю. Было чистое, холодное и розоватое от заката небо. Тася пришла с купания, свежая, пахнущая речной водой, полотенце, повязанное вокруг головы, поддерживало тяжелый узел ее мокрых волос. Я целовал ее в холодные губы, а она говорила:

«Какой ты теплый... хороший. Я озябла. Ну, поцелуй меня еще...»

Пеплов прервал рассказ и спросил:

— Может быть, вам неприятно слушать об этом? Знаете, иногда бывает как-то неловко от излишней и неуместной откровенности другого человека. Ничего? Ну, я буду продолжать. Я так и не вошел в дом, посидел на лавочке и, не замеченный никем, ушел. Побрел к реке, долго стоял на мосту, смотрел на воду, ходил по улицам и чувствовал, как во мне зреет тяжелая обида. Я старался убедить себя в том, что глупо обижаться, если тебя не любят, но не мог.

Светало, когда я возвращался домой по главной улице. Фонари еще горели и были похожи на прозрачные пузыри. На широком подоконнике магазина сидел сторож с берданкой, он попросил у меня огня. Я закурил вместе с ним, сел на подоконник, и мы молчали, пока не докурили, потом он вынул хлеб, соль в круглой баночке из-под вазелина, предложил мне, и мы так же молча ели. Я видел, как старик споро посыпает солью рваные куски хлеба, сует их куда-то в бороду, жует. И он казался мне каким-то очень своим, бесхитростным и добрым, а сам я почему-то чувствовал облегчение...

На этом кончается, так сказать, первая часть истории. Никогда не думал, что будет ее продолжение, но вот случилось же! Приехав в отпуск, я узнал, что Тася уже два месяца живет в городе. Признаться, я испытал при этом известии только любопытство. Я люблю встретить человека, которого знал когда-то, говорить с ним и замечать перемены, происшедшие в нем. Тасю я не застал дома. Не постаревший, а только как будто больше засохший и ставший крепче, Петр Федорович сразу узнал меня, усадил за стол, стал потчевать водкой и мочеными яблоками, приговаривая:

«Мы, товарищ инженер, люди простые и живем по-простому».

В доме ничего не изменилось. В кухне валялись «концы», от которых пахло тряпьем и машинным маслом, на окнах стояли герани, скрипела половица, скрипевшая и пять лет назад и семь... И даже тасин сын — сонный пухленький мальчик, которого с гордостью показывала мне Евдокия Тимофеевна, подкидывая его на руке и приговаривая: «Вот мы какие!» — не казался мне новым. Даже не верилось, что он тасин; просто кто-то из соседей ушел в магазин и попросил приглядеть за малышом. Подумалось на минуту, что ничего не было, что только вчера мы расстались с Тасей, и, улыбнувшись, я сказал:

«А у вас все по-старому...»

Сказал как будто одобряюще и даже улыбкой постарался выразить это одобрение, но тотчас же с неприятным чувством стыда за свою неискренность подумал, что жить и не меняться, в сущности, очень скучно и глупо. Вскоре пришла Тася. Она очень пополнела, была красиво одета и вся как-то блестела: блестели глаза, зубы, серьги, волосы. Наблюдая за ней

в этот день и потом, я заметил, что у нее появилась округлая медлительность в движениях и привычка удобно усаживаться с ногами на диван или в кресло; говорила она плавно, грудным, теплым голосом, какой бывает, если заметили, только у зрелых женщин, счастливых прочным, долголетним счастьем. И держалась она не застенчиво и в уголке, как прежде, а свободно и даже вызывающе, отца звала папашкой, а мать — мамаем. Очевидно, ей было приятно сознавать свое новое положение независимого человека и щеголять им передо мной и родителями.

О себе она рассказывала очень скупо. Сказала, что давно уже не работает, очень скучала по дому, что мужа перевели в новое место и, пока там не устроено, она поживет здесь месяца четыре, а может быть, полгода. Мы сидели в ее комнате, где всегда сиживали раньше. Тася навезла в нее массу безделушек: кружевных салфеток, флаконов, статуэток, картинок, а на подзеркальнике стояли полукругом семь слонов — традиционный символ счастья,— причем самые маленькие из них походили больше не на слонов, а на свинок. Я не удержался и спросил Тасю, почему она так скоропостижно вышла тогда замуж. Она улыбнулась, пожала плечом и нехотя сказала:

«Так уж получилось...»

Я подумал, что ей попросту захотелось вырваться из дому, ждать меня было долго, а тут подвернулась возможность уехать далеко с надежным, спокойным и солидным человеком, и она уехала. Да и родители, наверное, уговаривали ее, тоже полагая, что меня ждать долго и неизвестно к тому же, что́ из меня получится. Думать об этом было неприятно, но я, каждый день приходя к Тасе, сидел, придумывал для разговора всякую ерунду, а мне, откровенно говоря, хотелось просто положить голову к ней на колени и ни о чем не говорить, не думать. Бывала и она у нас. Однажды — уже вечерело — пришел мой отец и сказал, что едет по своим делам в колхоз.

«На лошади? — спросила Тася.— Возьмите нас!»

Она и раньше любила ездить с ним в санках по морозу, озябнуть, а потом греться у печки. Поехали. Отец обычно не брал конюха, правил сам и на плохих дорогах неизменно пророчествовал:

«Вот посмотрите, следующая пятилетка обязательно будет пятилеткой дорог. Тогда мы станем королями!»

Он давно — уже лет двадцать — работал заведующим дорожным отделом райисполкома и ждал такую пятилетку с нетерпением. Мороз был некрепкий, но мы озябли и пили в деревне водку. Тася тоже выпила немного и стала еще ярче, красивее. Отец отдал нам свой тулуп и пошел к председателю, а мы, согревшись, отправились кататься по полевым дорогам. От бодрящего морозного воздуха и водки стало вдруг очень весело и как-то бездумно. Пахло сеном, овчиной пополам с тасиными духами, и все казалось немножко нереальным, необыкновенным. У Таси и в темноте, очень-очень близко от меня, глаза блестели зеленоватым, звездным светом, и вдруг она обняла меня и, жарко дыша в лицо, сказала, что не хочет сегодня домой и останется со мной в деревне... Прошлое, знаете, довольно-таки ревниво отстаивает свою власть над человеком. И мне представилось, что к нему еще можно вернуться.

«Хочешь ко мне... совсем?» — спросил я.

«Ну, что ты! — почти испуганно воскликнула она. — Нельзя...»

«Тогда зачем же все это?»

Она ударила меня пальцем в перчатке по носу и сказала:

«У-у, какой праведник! Для детей, чтобы они не лазили в сахарницу, придумали, что от сахара портятся зубы, а они верят и упускают подходящий момент».

Она тихо засмеялась, глядя на

меня, а мне вдруг в этих словах, в этом смехе открылось очень многое. Я понял, что она никогда и ни за что не вернется ко мне, потому что все у нее есть в жизни и она счастлива, счастлива тем, что сыта, красиво одета, тем, что имеет мужа, и тем, что легко может изменить ему. Я понял, что в школе она была не воспитателем и педагогом, а просто отбывала тяжкую повинность, детей не знала и поэтому ухватилась за первую возможность бросить работу. И еще многое я понял. И мне стали жалки и она сама и все, что связано с ней: ее дом, ее родители, ее картинки, салфетки и семь слонов, похожих на свинок...

Когда мы вернулись в деревню, я накрыл лошадь попоной и пошел разыскивать отца, а она так и осталась сидеть в санях...

Вот и вся история,— закончил Пеплов.— Наболтался так, что в горле пересохло. Пива бы сейчас... Который час?

Было уже поздно.

— Жаль! Давайте разбудим буфетчицу, извинимся. Или неудобно?

Я сказал, что, пожалуй, неудобно.

— Жаль! — снова сказал Пеплов, но все-таки встал и вышел.

Вскоре он вернулся, неся несколько бутылок пива и сушеную тарань.

— Вот! К счастью, не спит, считает что-то.

Мы уснули только утром. Во сне минул недолгий день, а в сумерках пароход уже подходил к стройке. У сходней толпились пассажиры, и те, кто ехал сюда впервые, вытягивали шеи, вглядываясь в берег, усеянный крупными, точно разбухшими в сыром воздухе огнями.

Пеплов, посвежевший, возбужденный и веселый, тоже глядел на этот берег и, не замечая, что толкает других, пробирался ближе к сходням.

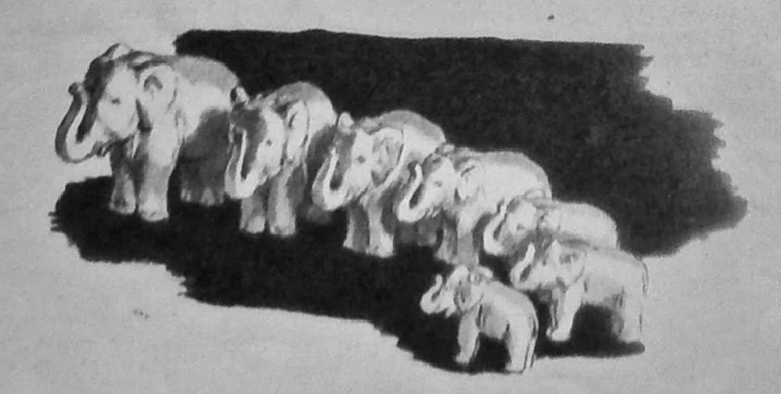
При выходе отбирали билеты. Человек в потертом кожаном пальто доказывал, что билет ему нужен для отчета по командировке.

— На морских пароходах — и то не отбирают,— приводил он неубедительный для матросов довод.

Пеплов, громко смеясь, сказал:

— Вот сделаем море, и здесь заведут морские порядки.

И протянул матросу свой билет.

Весна Армении

Геворг ЭМИН

СЛОВО МАСИСА

(Перед памятником Ленину в Ереване)

Ты вечности ищешь печать на мне!
В снегах бессмертия нет!
На памятник Ленину ты взгляни,
Взгляни, армянский поэт.

Ты ищешь красок зари на мне,
Раннего солнца след!
Ленин солнце в небе зажег,
Людям принес рассвет.

Ты ищешь высоких вершин, поэт!
Да, видят меня вдали,
Но памятник Ленину виден всем,
С каждой точки земли.

Что слава моя, что лава моя,
Что мощь вулканических сил
Пред ним, который истории ход
Этой рукой изменил!

СВИДАНИЕ

Норкская долина рано просыпалась,
Вешнею зарею чисто умывалась,

Сухо вытиралась ветерком мохнатым,
В платье появлялась, красками богатом,

И, принарядившись, робко то и дело
В утреннее небо — в зеркало — глядела.

Пряди кос зеленых дождиком пригладив
И туман пуховый на плечи приладив,

Ждет она, волнуясь: что-то друг не точен!..
Как не волноваться, если любишь очень!

Но зарделись тучки, светом налитые;
Разметав по ветру кудри золотые,

Из-за гор высоких при любой погоде
Солнце на свиданье во-время приходит.

Перевели Е. НИКОЛАЕВСКАЯ
и И. СНЕГОВА.

* * *

Едва зазвенит в Араратской долине
Ранней весной голубая вода,
Мой друг в рубашке сатиновой синей
С подругой своей приходил сюда.

Вот снова весна... И я жду их прихода.
По Норку[1] все утро брожу, одинок.
Но нет никого. Лишь в глубокую воду
Лилия смотрит. И ей невдомек,

Что если бы друг мой, в шинель одетый,
Не пал на дорогах великой войны,
То не было б в мире ни лилии этой,
Ни звонких ручьев, ни зеленой весны.

Перевел Л. ГИНЗБУРГ.

[1] Предместье Еревана.

«Залп Авроры» М. Большинцова и М. Чиаурели в постановке Белорусского государственного драматического театра имени Янки Купалы. В роли В. И. Ленина — народный артист СССР П. С. Молчанов, в роли И. В. Сталина — народный артист СССР Б. В. Платонов. Солдат Середа — народный артист СССР Г. П. Глебов.

МОЛОДАЯ ПОРОСЛЬ

К гастролям минских театров в Москве

Зал Минского театра оперы и балета медленно погружается в темноту и затихает. Начинается увертюра. Сегодня идет опера Станислава Монюшко «Страшный двор».

Во время работы Второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве польские друзья пригласили группу советских гостей послушать малоизвестную оперу польского классика Станислава Монюшко. Среди участников Конгресса была и народная артистка СССР Л. П. Александровская. Тогда-то у нее и зародилась мысль поставить «Страшный двор» на белорусской сцене.

Поэт Максим Танк перевел либретто на белорусский язык. Постановку оперы поручили Александровской. Работа началась. С особенным подъемом трудилась молодежь.

Спектакль рассказывает о двух братьях: Стэфане (Н. Лазарев) и Збигневе (заслуженный артист БССР Н. Ворвулев),— которые, возвращаясь домой после боевого похода, дали слово товарищам по оружию остаться холостяками, чтобы ничто не отвлекало их от службы родине. Мечтам братьев о «домашнем рае без жены» осуществиться, однако, не суждено. Приехав навестить друга их покойного отца пана Мечника (народный артист БССР М. Денисов), они знакомятся с его дочерьми-красавицами Ганной (Т. Нижникова) и Ядвигой (Р. Осипенко). Встреча с девушками приводит к двум свадьбам. Благословляя новобрачных, Мечник рассказывает о том, что у его деда было девять дочерей. Все они были прекрасны и выходили замуж, в то время как другие девушки в округе оставались без женихов. Мамаши неудачниц с досады и прозвали усадьбу Мечника «Страшный двор»...

Опера окончена. Гремят аплодисменты. Доволен и режиссер. Особенно порадовала Тамара Нижникова, одна из самых молодых солисток театра, которая сегодня с большим подъемом исполнила трудную арию: «В опасный час невеста-жена сама снимет со стены меч и подаст его своему жениху-мужу...»

Молодежь спешит разгримироваться. Артисты знают, что вот-вот появится постановщик Л. П. Александровская, и начнется беседа о спектакле, разбор слабых мест, закрепление удач.

А завтра с утра репетиция. Готовится постановка оперы Е. Тикоцкого «Девушка из Полесья» — о борьбе белорусского народа с захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Ставит оперу также Л. П. Александровская, а главные роли исполняет молодежь. На этот раз Александровская сама готовит партию Алеси — главной героини спектакля. Роль руководителя партизан поручена Н. Ворвулеву, партизанки Марфеньки — Т. Нижниковой.

Нынешний театральный сезон в Минске особенный: театры с первых его дней начали подготовку к декаде белорусского искусства и литературы в Москве. С предыдущей декады, которая была в 1940 году, прошло немало лет, и каких лет! Но ни война, ни трудности послевоенного восстановления и развития хозяйства и культуры Белоруссии не помешали подъему искусства республики. Белорусский театр пришел к новой декаде с обновленным репертуаром, с повысившимся мастерством, с новыми именами исполнителей.

Новые имена — это сегодня, пожалуй, наиболее отрадная черта театральной жизни Минска. Это видно и на примере старейшего и лучшего коллектива республики — Театра имени Янки Купалы. Здесь работают известные далеко за пределами Белоруссии народные артисты СССР Г. П. Глебов, Б. В. Платонов, П. С. Молчанов, народные артисты БССР И. Ф. Жданович, К. Н. Санников, О. В. Галина, В. И. Дедюшко, Л. И. Ржецкая и другие. Их дарование признано и оценено зрителями многих городов страны. Но рядом поднялась в последние годы молодая поросль, и, может быть, поэтому удалось осуществить в минувшем году восемь новых спектаклей. Среди новинок репертуара «Счастье поэта» (спектакль о Янке Купале) Василя Витки, «На рассвете» (о докерах Франции) А. Макаенка.

Недавняя выпускница Белорусского государственного театрального института Лилия Дроздова впервые выступила в роли Насти Вербицкой в пьесе К. Крапивы «Поют жаворонки». За эту роль она была удостоена Сталинской премии. Теперь Дроздова участвует почти во всех новых постановках театра. В одной из самых ярких постановок нынешнего сезона — «Залп Авроры» М. Большинцова и М. Чиаурели — Лилия Дроздова создала запоминающийся образ Наташи Николаевой, молодой ленинградской работницы. Столь же успешно выступает на сцене Г. Галкин — товарищ Дроздовой по институту. Роль юного Ленина в пьесе И. Попова «Семья» — несомненная удача молодого артиста.

Совсем недавно пришла в театр Татьяна Алексеева и уже зарекомендовала себя как исполнительница героических ролей. Такое мнение утвердилось после постановки пьесы Ю. Буряковского «Прага остается моей», где Алексеева выступала в роли Фучиковой. Молодой актер В. Кудревич сыграл в этом спектакле Юлиуса Фучика.

В репертуаре другого театра белорусской столицы — Русского драматического — есть спектакль, который так и называют молодежным. Постановка пьесы «Ее друзья» В. Розова осуществлена молодыми артистами — новым пополнением коллектива. Особый успех выпал в этом спектакле на долю Галины Роксановой, исполнительницы трудной роли — ученицы средней школы Людмилы Шаровой, временно потерявшей зрение. На подмостках Русского театра началась творческая жизнь и другой молодой одаренной актрисы этой труппы — Олимпиады Шах-Парон. Сейчас она работает над созданием образа инженера-строителя Ирины Чайки (пьеса В. Полесскова «Что посеешь, то и пожнешь»).

Много новых имен появилось за последние годы среди ведущих исполнителей минской сцены.

В. Пономарев

Заслуженный артист БССР Н. Д. Ворвулев в роли Апанаса Ильича — командира партизанского отряда (опера «Девушка из Полесья» Е. К. Тикоцкого).

Сцена из спектакля «Счастье поэта» В. Витки. В центре (стоят): Янка Купала — заслуженный артист БССР И. Б. Шатилло, белорусская поэтесса Тётка — народная артистка БССР И. Ф. Жданович.

В Белорусском драматическом театре имени Янки Купалы. Художественный совет на просмотре молодых исполнителей. На переднем плане (справа налево): народные артисты СССР Б. В. Платонов, Г. П. Глебов, народная артистка БССР О. В. Галина, народный артист БССР К. Н. Санников, режиссер Л. И. Мозолевская, народный артист СССР П. С. Молчанов, народная артистка БССР И. Ф. Жданович.

Фото М. Савина.

Маленькая пианистка Кристина Поплавская на занятиях в музыкальной школе при консерватории (г. Минск). Занятиями руководит доцент Г. И. Шершевский.

ОДАРЕННАЯ ДЕВОЧКА

На всю округу славился любовью к музыке дом Стефании Петровны Поплавской, колхозницы сельхозартели имени Маяковского, Ивенецкого района, Барановичской области. Почти у всех членов семьи хорошие голоса и музыкальный слух. Вечерами и в праздничные дни у Поплавских устраивались домашние концерты.

В этой атмосфере любви к музыке и народной песне росла и воспитывалась Кристина, дочка Стефании Петровны. В семье рано заметили музыкальные способности у ребенка. В возрасте двух лет девочка с точностью камертона воспроизводила звук «ля», а через полгода — все звуки в объеме первой октавы клавиатуры. Спустя еще некоторое время Кристина освоила всю клавиатуру фортепиано и одним пальцем наигрывала знакомые ей мелодии.

Когда одаренной девочке исполнилось четыре года, она играла на пианино «Колыбельную песню» Моцарта. Появился у нее и свой «репертуар певицы»: «Жаворонок» Глинки, «В бурю» Чайковского, белорусские народные песни.

Отец Кристины Константин Иосифович Поплавский, заканчивавший тогда Белорусскую государственную консерваторию, привез девочку в Минск, чтобы посоветоваться со специалистами о ее воспитании.

Редкий талант ребенка отметили все, кто ее слышал: музыканты, педагоги, композиторы, искусствоведы. Девочка продемонстрировала абсолютный слух и необычное для ее возраста умение играть на рояле. Кристина безошибочно определяла не только отдельные звуки, не только гармоническое, но и вольное их сочетание.

Сейчас семья Поплавских переехала в Минск. Пятилетняя девочка занимается в детской музыкальной школе при Минской консерватории.

В. ПОНОМАРЕВ

Заметки о сатирическом образе

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

Еще недавно стоило только драматургу поделиться своими мыслями о новой комедии, в центре которой предполагался, допустим, образ бюрократа, стоило режиссеру или актерам увлечься этим замыслом, как тотчас откуда-нибудь непременно раздавалась отрезвляющая, ставшая почти стереотипной фраза:

— Это не типично, что вы! Бюрократ — это совсем не типично!

Подобные заявления основывались на ложном и вредном убеждении, будто типическое — это обыденное, наиболее распространенное. «Ведь советские люди в большинстве своем не бюрократы?» — спрашивали драматурга. «Конечно, нет!» — убежденно соглашался тот. «Как же это вы надумали изображать бюрократа? Да еще в центре пьесы! Что же это получится? Не знаете? — торжествовал «теоретик».— Получится искажение, если не клевета! Да-да!»

И замысел комедии погибал, так сказать, в зародыше. Пьеса о бюрократе оставалась в чернильнице. А бюрократ мог со спокойной душой ходить в театр: его там не обижали.

С одной стороны, все понимали, что советский театр должен бороться с пережитками прошлого, еще бытующими в сознании наших людей: ротозейством, бюрократизмом, моральной распущенностью, низкопоклонством перед иностранщиной и т. п. С другой стороны, поскольку эти грехи не свойственны большинству советских людей, носители их объявлялись «нетипичными» и, следовательно, не заслуживающими сценического воплощения. Возникало нелепое положение, которое могло быть выгодно только фальшивым, чуждым, вредным людям: такое сильное средство общественного воздействия, как театральное искусство, их никак не задевало, обходило стороной.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, имеющий огромное значение в жизни всего нашего народа, оказал неоценимую помощь и театральному искусству. В докладе Г. М. Маленкова наши писатели и деятели сцены нашли драгоценное, очень точное определение одной из важнейших своих задач.

«Неправильно было бы думать,— сказал товарищ Маленков,— что наша советская действительность не даёт материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнём сатиры выжигали бы из жизни всё отрицательное, прогнившее, омертвевшее, всё то, что тормозит движение вперёд...

Наши художники, литераторы, работники искусства в своей творческой работе по созданию художественных образов должны постоянно помнить, что типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заострённостью выражает сущность данной социальной силы».

Таким образом, в споры о пределах типического внесена теперь полная ясность. Задача создания советской сатиры со всей остротой поставлена перед театром, и ни хмурый чиновник, ведающий репертуаром, ни перестраховщик-рецензент уже не помешают ее осуществлению фразой: «Это не типично!» Нет, типично! — ответим мы.— Если в нашей жизни имеются такие явления, как ротозейство, бюрократизм, обман государства, а кстати, и такие, как трусливая перестраховка, боязнь ответственности, то мы эти явления должны разоблачать и будем разоблачать, сознательно добиваясь, когда это нужно, художественного преувеличения, придающего образу особую заостренность и силу. И вы нам не мешайте, а то как бы и вам не попасть на сцену, товарищ перестраховщик!

Уроки классики

Создание сатиры — дело нелегкое. Давно известно, что драматургия — труднейший вид литературы, сатира же — труднейший вид драматургии. В мировом классическом репертуаре не так уж много сатирических комедий. Русская классика, располагающая такими сокровищами, как «Горе от ума», «Ревизор», сатиры Щедрина и Сухово-Кобылина, а также многие пьесы Островского и Горького, заключающие в себе ярчайшие сатирические образы, быть может, самая богатая в мире. И было бы непростительной ошибкой не воспользоваться этими богатствами, не изучить их, не воспринять драгоценный опыт великих русских писателей, работая над созданием современных сатирических произведений для сцены.

Выступая в пьесах Гоголя и Островского, много лет мы, актеры, видим из опыта: зрителей в этих комедиях более всего волнует и веселит то, что в какой-то мере соответствует их сегодняшним жизненным впечатлениям, встречам, наблюдениям, мыслям. Само собой разумеется, что актер, готовясь выступить в

«Мы, конечно, уважаем, ценим критику, а также и самокритику. Однако!.. Продукцию планируют государственные органы, забывать об этом не надо. Но рабочую инициативу всегда поддержим. Однако, как говорится, с вышки виднее. Нет, не по душе мне ваша произвольная беседа. Тут явно кто-то кого-то кому-то противопоставляет», — вот как расценивал критические замечания рабочих начальник главка товарищ Башлыков (заслуженный артист Г. Бударов. Спектакль «Рассвет над Москвой» А. Сурова. Театр имени Моссовета).

На сцене Малого театра идет комедия А. Корнейчука «Калиновая роща». В роли Аги Щуки выступает народная артистка РСФСР С. Фадеева: «Кого он здесь будет рисовать? Ну, сами скажите?.. Люди везде есть, а в Сочи в это время отдыхают известные генералы, народные артисты. А для художника главное не то, как рисуешь,— это формализм, а то, кого рисуешь, — это главное».

* * *

Пытлеваный озадачен. Он всегда считал себя хорошим председателем; ведь его колхозники получают на трудодень гораздо больше, чем в других артелях! И вдруг его критикуют: в колхозе нет радио, клуба, электричества...

Пытлеваный (заслуженный артист В. Хохряков). Давай, давай, критикуй. Я уж сразу на все отвечу... По-нхнему, хоть есть нечего, да жить весело.

Павлина (колхозница другого колхоза — артистка Э. Трейвас). Все только есть да есть. Это скотина — поела, так ей больше ничего и не надо. И то ныне скотина любит, чтобы у нее в хлеву и окно было, чтобы и электричество горело ночью. А человеку немного побольше света нужно, чем корове.

Пытлеваный. Это все в мой огород.

(Сцена из спектакля «Поют жаворонки» К. Крапивы в Центральном театре транспорта).

Последней работой народного артиста Союза ССР В. В. Ванина было создание двух острых, разоблачающих сатирических образов: Расплюева в «Свадьбе Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина и подхалима и прохвоста Зайцева в пьесе А. Софронова «Московский характер». На фото — сцена из спектакля «Московский характер» Театра имени Моссовета. На заседании райкома. Слева — В. В. Ванин.

известной классической роли, старается увидеть будущий свой образ глазами современника. Конечно, необходимо соблюсти историческую достоверность, конечно, нельзя изменять стилю автора, но нельзя и становиться холодным бытописателем и, впадая в архаизм, уходить от сегодняшней жизни,— в этом случае роль оставит публику равнодушной, попросту не заинтересует ее.

Вот простой пример. В гоголевском Городничем видится мне взнесенный на высоты власти полицейский. Он, представляется мне, вышел из низших чинов жандармского управления — отсюда и его манеры и его служебные «методы». Но все это относится к сфере исторической достоверности. А взять, например, сцену, в которой Городничий расписывает Хлестакову все прелести благоустройства вверенного ему города,— это для меня уже не только история; я ищу здесь вполне современные, сегодняшние краски: стремлюсь изобразить характерного очковтирателя наших дней. И мне кажется, что если мой Городничий в этом эпизоде интересен зрителям, то именно потому, что они узнают в классической пьесе черты прошлого, еще не изжитые ныне.

Играя Юсова в «Доходном месте» Островского, я также стремился привнести в этот образ некоторые детали и подробности, почерпнутые в современности. Чисто внешние элементы, скажем, некоторые повадки Юсова, его манеру носить свой портфель, раскладывать на столе бумаги, я «позаимствовал» у сегодняшних, «знакомых» мне людей. Но более важно другое — важно то, что у нас поныне еще есть люди, сохранившие до наших дней самую сущность Юсова — его подхалимское и бюрократическое нутро. Правда, они сами порой над собой подшучивают: «Уж вы простите, зайдите через недельку, знаете, у нас ведь по-чиновничьи»,— но шутка дела не меняет, за ней скрывается все то же бюрократическое равнодушие к человеку. И вот, когда я играю Юсова, мне очень хочется, чтобы эти люди узнали себя, поморщились и призадумались. «Несправедливы те,— писал Гоголь,— которые говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцену... плут — современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движенья с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете».

Вот почему я люблю роли Хлестакова, Городничего, Юсова, вот почему так жду сильных современных сатирических ролей! А глядя на тот прием, который встречают сатирические роли у зрителя, я вижу, что и зритель разделяет нетерпение моих ожиданий.

Мне хочется, однако, поделиться одним уроком, извлеченным из опыта воплощения классических ролей. Речь будет о том же Юсове. Поначалу я играл его откровенно подлым, самодовольно-злым, духовно мертвым человеком. Мне казалось, что бюрократ, подхалим, взяточник лучшего отношения и не заслуживает. Но, вдумавшись в роль поглубже, я понял, что, поминутно разоблачая Юсова, превращая его в злодея, сознающего свое злодейство, я изменяю жизненной правде. В том-то и дело, что Юсов, как и многие его прошлые и современные собратья по порокам, считает себя человеком безукоризненно правильным, умным и даже добрым. Это явствует и из текста роли, и в этом-то ее сила!

Сцена из спектакля «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова.

Лукерья Похлебкина негодует: и за что ее называют лодырем и спекулянткой? С протестом пришла она на дом к председателю колхоза. **Курочкин** (артист М. Давыдов): «А ты, тетя Луша, к кому?» **Лукерья** (артистка Т. Пельтцер): «К хозяйке... Мало, вишь, работаю. «Больше,— говорит,— картами и спекуляцией занимаешься». Спекулянткой, вишь, объявила. «Ты,— говорит,— это я-то! — злостный лодырь. Во как!»

Когда я показал эту убежденность Юсова в святости, чистоте и правильности его жизненного пути, образ стал неизмеримо более отталкивающим, сатира — более глубокой, более действенной.

И актеры и особенно драматурги, стремящиеся проникнуть в труднодоступную область сатиры, должны понять, что зачастую подлец и считает себя и ведет как внешне порядочный человек, что ротозей и «шляпа» часто глубоко уверены в своей неусыпной бдительности, что иной трус и перестраховщик считает себя безукоризненно храбрым и предельно ответственным, что человек, меняющий свои взгляды после каждой новой встречи, убежден в своей полной самостоятельности... Русские классики сатиры прекрасно это понимали,— вот почему их сатирические образы всегда оказывались живыми, а не схематичными, не плоскостными. И это особенно важно усвоить сейчас нашим драматургам. Ведь современные сатирические «герои» в пьесах и в актерском воплощении на сцене иной раз выглядят прописным воплощением порока. С первого появления такого персонажа зрителю ясно, кто́ он и что́. И вместо бдительности и настороженности к таким людям в зрительном зале возникает законное недоумение: почему все остальные действующие лица, в том числе и положительные герои, настолько глупы и слепы, что не видят орудующего среди них проходимца? Автор не потрудился внимательнее рассмотреть в жизни тех, кто мешает нашему обществу в его движении вперед, тех, кто, находясь в плену пережитков прошлого, маскируется и обманывает окружающих. Ведь чем выше моральный облик наших людей, тем сильнее маскируется порок! Если писатель этого не видит,— он отстал, его произведения не интересны зрителю, воспитательное значение пьесы утрачено. Зритель, покидая зал, уносит только чувство досады.

К сожалению, среди драматургов, да и актеров, еще жива недооценка зрителя, преувеличение собственного опыта. А очень часто, ссылаясь на опыт, мы подразумеваем штамп.

Мне довелось много сыграть сатирических ролей в классической драматургии. Но я не припомню, чтобы были, пусть даже у одного автора, две похожие роли. Значительно меньше играл я в современных комедиях, но даже среди тех, которые мне предлагали играть, много раз варьировался один и тот же образ. А это никому не нужно.

Комедия и ее тема

Одним из недостатков нашей критики за последние годы мне представляется необъяснимая вражда рецензентов ко всему веселому, остроумному, легкому, смешному, если только оно **не серьезно и не масштабно**. Слова «комедия должна быть серьезной» стали повторяться с подозрительной и угрюмой настойчивостью.

Слов нет, лучшие комедийные произведения русской и советской драматургии — это произведения большого масштаба. К таким вершинам должны стремиться наши драматурги, и хочется верить, что рано или поздно мы увидим подобные вершины сегодняшней, современной комедии.

Но, насколько мне известна география, нигде во всем мире нет высокой горы, стоящей на ровном, плоском месте. Самые большие вершины стоят обычно среди других гор, хотя и менее высоких, но также привлекающих взгляд. Так, рядом с «Ревизором» стоит менее значительная, но не менее яркая «Женитьба», и рядом с этими вершинами комедии находятся в добрососедстве водевили Ленского. Между тем еще недавно стоило у нас появиться водевилю или просто забавной, смешной, не претендующей на особенно глубокое обобщение комедии, как рецензенты торопливо вытаскивали из своих колчанов заранее навостренные отравленные стрелы. Молодой осетинский драматург Токаев написал несомненно отмеченную печатью таланта комедию «Женихи», ее поставил Театр сатиры. Тотчас же последовал раздраженный окрик некоего скучного критика, для которого слово «водевиль» было равнозначно ругательству. Надо думать, такая встреча сильно охладила

Вот и Аким Акимыч Юсов (народный артист СССР И. Ильинский), раболепствующий подхалим, взяточник, бюрократ. Словно в строю, вытянулся он во фронт перед дверью начальства. Шутка ли, сейчас он предстанет перед взором самого Вышневского! (Спектакль «Доходное место» А. Н. Островского в Малом театре.)

автора; во всяком случае, прошло уже несколько лет, а новой комедии он так и не написал. Стоит по этому поводу вспомнить, что великий Чехов, создавший поразительное множество сатирических и юмористических произведений большой мысли и большого масштаба, начинал с легких и забавных юморесок Антоши Чехонте...

Масштаб и серьезность произведения зависят не только от таланта и мастерства автора, но и от избранной им темы. «Ревизор» и «Женитьба» созданы одним гением, но значение и масштаб их различны, так как различна тематика этих творений. А нам ведь нужны комедии, трактующие самые разнообразные и разнохарактерные темы. Нужна злая сатира против карьериста, нужна и комедия, например, о родителях, избаловавших себе на горе дочь. Соответственно теме и задачи автора разные, и смех в зале будет разный: когда гневный, а когда сочувственный, когда злой, а когда и добрый. Все краски богатой палитры смеха — юмор, ирония, сатира, сарказм — должны быть приняты на вооружение советскими драматургами.

Перефразируя Маяковского, хочется высказать пожелание, чтобы у нас впредь было как можно больше комедий — хороших и разных. Тогда будет распахана почва для возникновения комедийных и сатирических произведений, решающих наиболее важные и актуальные для этого жанра темы современности. Но тут необходимо одно существенное предупреждение: все виды комедий, от водевиля до высокой сатиры, следует оберегать от одной самой страшной болезни — от пошлости. Именно неумение увидеть границу, за которой кончается здоровый, очищающий смех и начинается смех пошлый, загрязняющий душу, явилось причиной многих памятных неудач драматургов и театров. В комедии одаренного Н. Винникова «Белая ворона» весь сюжет строился на том, что поросенка приняли за... новорожденного ребенка. Смешно? Может быть, и смешно, но пошло до крайности, а от пошлости один шаг до фальши, до злопыхательства, искажения правды наших дней.

Я убежден, что пошлость проникает в комедии тогда, когда авторы их не обладают достаточным знанием жизни, когда комедийные образы, положения, ситуации «придумываются», а не отыскиваются пытливым глазом художника в окружающей действительности.

И, напротив, успех приходит от знания жизненных фактов и характеров людей.

СКУЛЬПТОР А.М. ОПЕКУШИН

К тридцатилетию со дня смерти

4 марта 1923 года в деревне Рыбницах близ Ярославля скончался скульптор Александр Михайлович Опекушин. Имя этого выдающегося русского художника широко известно в нашей стране. В монументальной скульптуре он проявил себя как смелый новатор, взыскательный и даровитый мастер и последовательный реалист. Подлинно народной любовью пользуются созданные им памятники великим русским поэтам — А. С. Пушкину в Москве и М. Ю. Лермонтову в Пятигорске.

Опекушин родился в 1841 году в семье крепостного крестьянина — лепщика и одаренного скульптора-самоучки. У Михаила Евграфовича, отца Опекушина, была даже небольшая мастерская, где в свободное время он лепил из глины. В этой мастерской Александр Опекушин впервые познакомился с трудным искусством скульптора. Когда Александру исполнилось двенадцать лет, Михаил Евграфович решил отправить сына в Петербург для обучения.

На первых порах Александр Опекушин исполняет самую черную работу в петербургской артели лепщиков и штукатуров. Но скоро ему стали поручать отделку несложных деталей. И наконец с помощью земляков и друзей Опекушину удалось устроиться в мастерскую известного скульптора-орнаменталиста — академика Д. И. Иенсена.

Руководитель мастерской Иенсен добился для Опекушина разрешения посещать скульптурный класс Академии художеств. Академия расширила кругозор Опекушина, сформировала его мастерство. Но молодому скульптору оставалась глубоко чуждой эстетическая программа академии. Мировоззрение и эстетические взгляды Опекушина сформировались под прямым воздействием передовых, реалистических и демократических течений, сложившихся в русском искусстве 60-х годов прошлого века.

В середине 1860-х годов Опекушин сблизился с известным живописцем и скульптором М. О. Микешиным, помогал ему в выполнении нескольких заказов. Первой совместной работой Микешина и Опекушина был памятник адмиралу А. С. Грейгу в Николаеве, сооруженный в 1867 году. Тремя годами позднее в Петербурге был открыт памятник Екатерине II, выполненный по эскизу Микешина. Девять больших статуй, расположенных на пьедестале памятника — в том числе изображения Суворова, Румянцева и Державина,— были сделаны Опекушиным. Рядом с пышной и помпезной микешинской статуей работы Опекушина отличаются благородной простотой. Эти работы положили начало широкой известности Опекушина. Академия художеств присудила ему звание классного художника 1-й степени. Через два года, в 1872 году, скульптор получил звание академика за исполненную им бронзовую статую Петра I.

В 1872 году комитет по сооружению памятника А. С. Пушкину объявил конкурс, в котором предлагалось принять участие всем русским ваятелям. Инициатива создания памятника великому поэту шла не от правительства, а от передовой русской общественности. Деньги на памятник были собраны по всенародной подписке. Русские скульпторы охотно откликнулись на призыв комитета. Опекушин был в их числе.

Мастерская Опекушина наполнилась огромным количеством зарисовок, предварительных набросков, эскизов из глины и пластилина. В 1875 году состоялся третий, и последний, конкурс. В нем приняли участие четыре скульптора: Опекушин, Шредер, Забелло и Антокольский, и безусловным победителем был признан Опекушин. В отличие от других скульпторов, перегружавших свои проекты различными аллегорическими мотивами и внешне эффектными деталями, Опекушин стремился передать в своем памятнике большую мысль поэта, а не только характерные черты его облика. 6 июня 1880 года при огромном стечении народа памятник был открыт. Лучшее создание скульптора стало народным достоянием.

В следующем, 1881 году Опекушин получил первую премию на всемирном конкурсе проектов памятника знаменитому русскому естествоиспытателю — академику Бэру. Памятник был воздвигнут в городе Дерпте (ныне Тарту).

Вскоре Опекушин приступил к новой крупной работе, которая стала значительной вехой в развитии его творчества: он принял участие в конкурсе на памятник М. Ю. Лермонтову.

В течение трех лет лучшие русские скульпторы боролись за честь создания памятника великому поэту. Наиболее удачным был признан проект Опекушина, отличавшийся глубокой психологической выразительностью, поэтичной одухотворенностью и безупречным сходством.

Памятник Лермонтову был последним крупным произведением Опекушина. Ни в одной из своих позднейших работ он не сумел так глубоко и полно раскрыть содержание, не достиг такой выразительности и художественной силы.

В год Великой Октябрьской революции Опекушину исполнилось 76 лет. Он восторженно приветствовал установление советской власти.

Вс. ПЕТРОВ

Памятник А. С. Пушкину в Москве.

Памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Мирза-Фатали Ахундов

10 марта исполняется 75 лет со дня смерти великого азербайджанского писателя и философа-материалиста Мирзы-Фатали Ахундова. Начало его литературно-общественной деятельности относится к тому времени, когда раздираемые внутренними распрями азербайджанские ханства Закавказья, находившиеся под постоянной угрозой нашествия персидских и турецких полчищ, вошли вслед за Грузией в состав России. Перед азербайджанским народом открылась широкая возможность более тесных связей с великим русским народом.

Ахундов родился в 1812 году в одном из крупнейших городов тогдашнего Азербайджана — Нухе. Когда он стал учиться в духовном училище в городе Гяндже (ныне Кировабад), одним из его педагогов оказался Мирза-Шафи Вазех, видный поэт и передовой человек своего времени.

Под его влиянием Ахундов решительно отказался от духовной карьеры и, окончив училище, поступил в только что открывшуюся в Нухе русскую школу. Здесь он изучил русский язык, что позволило ему приобщиться к неисчерпаемой сокровищнице передовой русской культуры.

В 1834 году Мирза-Фатали Ахундов переехал в город Тифлис, тогдашний административный и культурный центр Кавказа, и поступил в канцелярию главноуправляющего гражданской частью переводчиком с восточных языков. Эту должность он занимал до конца своей жизни, дослужившись до чина полковника.

Новый круг людей, среди которых были, в частности, ссыльные декабристы и участники польского восстания 1830 года, совместная работа и близкое знакомство с видными передовыми деятелями армянского и грузинского народов — все это в значительной степени способствовало зарождению у Ахундова передовых, демократических идей, дало ему возможность расширить свой научный кругозор, познакомиться с новыми течениями общественной мысли России и Западной Европы, вооружило его на борьбу против затхлого мира отсталого, патриархально-феодального Востока.

Участвуя в краеведческих комиссиях и в различных экспедициях по исследованию края, Ахундов наблюдал и изучал жизнь различных районов Азербайджана.

Все это создавало благоприятные условия для развития Ахундова как писателя, мыслителя и общественного деятеля.

Наиболее значительное из его ранних произведений — это элегическая поэма, написанная под свежим впечатлением трагической гибели А. С. Пушкина. Автор горько оплакивает великого поэта, «которому стократно гремела хвала со всех концов света» и «от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице ее». В заключительных строках — «Россия в скорби и воздыхании восклицает: убитый злодейской рукой разбойника мира!» — угадывается намек на Николая I, истинного виновника гибели Пушкина.

Подлинного расцвета талант Ахундова достиг в драматургии — жанре, незнакомом не только азербайджанской литературе, но и литературам народов всего Ближнего и Среднего Востока. Созданные Ахундовым в 1850—1856 годах шесть комедий: «Молла-Ибрагим-Халил, алхимик, обладатель философского камня», «Мусье Жордан, ботаник, и дервиш Масталишах, знаменитый колдун», «Везир Ленкоранского ханства», «Медведь, победитель разбойника», «Приключение скряги» и «Тавризские адвокаты» — явились тем прочным фундаментом, на котором впоследствии выросла реалистическая демократическая азербайджанская литература. Решающее влияние оказали эти комедии, как и все творчество Ахундова, на развитие передовой литературы и в других странах Ближнего и Среднего Востока.

В своих комедиях Ахундов, следуя примеру лучших представителей мировой литературы, особенно Грибоедова, Гоголя и Мольера, бичевал пороки современного ему азербайджанского общества: его невежество, косность, фанатизм, алчность, — призывал к сближению с русским народом, к усвоению его передовой культуры.

В 1873 году в Баку состоялось первое представление одной из комедий Ахундова — «Везир Ленкоранского ханства» — на азербайджанском языке, что ознаменовало собой начало истории азербайджанского национального театра.

Ахундову принадлежит и первое в азербайджанской литературе произведение художественной прозы — философская повесть «Обманутые звезды». В этой повести, пронизанной духом просветительства, идеями гуманизма и демократизма, автор осуждает не только частные недостатки патриархально-феодального общества, разоблачает не только отдельных представителей господствующей касты этого общества, как он делал это в своей драматургии, а подвергает сокрушительной, уничтожающей критике весь деспотический режим.

Многие годы посвятил писатель популяризации составленного им нового алфавита для восточных народов, пользовавшихся трудным для усвоения и крайне путаным арабским алфавитом. Однако все старания Ахундова добиться введения своего алфавита оказались тщетными, так как это задевало основы религии: ведь арабский алфавит, по уверению всесильного в ту пору духовенства, был ниспослан свыше, связан с кораном, с исламом, а потому священен и незыблем.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным осуществление идеи Ахундова о замене арабского алфавита новым, составленным на основе русского алфавита.

В своих философских трудах Ахундов резко выступал против религии ислама, поднимаясь до атеизма, до полного отрицания божества. Он последовательно отстаивал материализм в области явлений природы. Философские труды Ахундова и особенно главный из них — «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джалал-уд-Довле и ответ сего последнего», который был опубликован лишь в наше время, — удивительны по смелости постановки вопросов государственного управления, религии, общественных отношений в эпоху неограниченной деспотии, чудовищного религиозного фанатизма и мракобесия.

На передовых для того времени позициях стоял Ахундов и в области эстетики. Многие его высказывания о роли и значении искусства в общественной жизни почти полностью совпадают со взглядами русских революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, плодотворное влияние которых на Ахундова совершенно бесспорно.

Ныне творения Ахундова издаются в СССР на многих языках; его комедии не сходят с азербайджанской сцены; писателю поставлен памятник в столице Азербайджанской ССР; его имя присвоено крупнейшему азербайджанскому театру оперы и балета в Баку, школам, библиотекам, дворцам культуры, колхозам, улицам, площадям, культурно-просветительным учреждениям почти во всех городах и районах советского Азербайджана.

Азиз ШАРИФ

Утро Кара-Кумов

Стихи молодого туркменского поэта Анна Ковусова рассказывают о грандиозных преобразованиях, происходящих в его родном краю. Поэт прежде всего стремится показать людей, решивших, «как кулана дикого, пустыню водяным арканом захлестнуть». Лаконично и сдержанно, но с большой теплотой рисует Ковусов образы своих героев.

Можно сказать, что человек незримо присутствует даже в чисто пейзажных, на первый взгляд, стихотворениях. Беркут, «вековечный страж пустыни», невозмутимо парит над мертвым пространством, привыкший с рожденья «не удивляться ничему».

Но он запомнит
то мгновенье,
Когда, поднявшись,
с высоты
Свое увидит отраженье
В широком зеркале воды.

Да, близок день, когда в Кара-Кумы придет вода, о которой веками мечтал туркменский народ. Задушевно и лирично звучит рассказ поэта о чабане, отдыхающем у костра после дневных трудов («Песня чабана»). Чабан играет на рожке. Льется светлая мелодия, звуки которой напоминают поэту «то плеск воды... то листьев шум, то звон пчелы»:

Чабан играет у огня,
В простой напев
вплетая звуки
Природы завтрашнего
дня.

Большой политический смысл заключен в стихотворении «Свет», где говорится о международном значении великих строек коммунизма, от которых «разольется океаном сияние немеркнущих огней и станет вдруг на всех меридианах моим друзьям от этого светлей».

В стихотворении «Две пустыни», нарисовав образ бесплодной, выжженной солнцем пустыни Сахары, поэт восклицает:

Как не завидовать Сахаре
Судьбе пустыни
Кара-Кум?!

Не все стихи, вошедшие в сборник, можно считать удавшимися. Мало кого тронут такие, например, стихотворения, как «Весна родины» или «Новогоднее». Эти стихи многословны, расплывчаты. В них нет центрального образа, которым так умело пользуется Ковусов в других стихах, заставляя читателя сосредоточить на нем все внимание. Оба стихотворения «традиционны» далеко не в лучшем смысле этого слова.

Иногда поэт, сам того не замечая, допускает повторы в разработке той или иной темы. Стихотворение «Лебединое озеро», на наш взгляд, — это лишь вариации на тему «Песни чабана». Заметно повторяют друг друга стихи «Голуби» и «Салют».

Е. ЕЛИСЕЕВ

Анна Ковусов. Утро Кара-Кумов. «Молодая гвардия». 1952. 78 стр.

НА ВЫСТАВКЕ ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ КНИГИ

Дом инженера и техника... Большое внимание москвичей привлекла находившаяся здесь выставка чешской и словацкой книги, организованная Главполиграфиздатом и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей.

На выставке, подготовленной Министерством информации и культурно-просветительной работы Чехословацкой республики, было представлено около трех тысяч экспонатов.

Специальный раздел выставки посвящен национальному герою чехословацкого народа Юлиусу Фучику, 50-летие со дня рождения которого недавно исполнилось. Знаменитая книга Фучика «Репортаж с петлей на шее» переведена на 51 язык и вышла в 106 изданиях.

Фото Б. Кузьмина.

ВТОРАЯ ШКОЛА

Е. ШАТРОВ

Фото А. Бочинина.

Подруги поздравляют Риту Денискину (в центре) с победой в конькобежных соревнованиях.

На рассвете ему предстояло отправиться из Москвы в дальний рейс. Весь день заняли неотложные дела, связанные с полетом, и только к вечеру человек в кожаном потертом пальто оказался наконец в одном из переулков Плющихи.

Летчик уверенно отыскал нужный дом и прошел в то крыло, где находился спортивный зал. Как все здесь знакомо! Не на этой ли самой перекладине делал он когда-то лихие «скобки» и крутил «солнце»? Не в эти ли корзины забрасывал баскетбольный мяч?.. И разве не обидно, разве справедливо, что вот теперь его сын не может тут заниматься?

Разузнав, где можно найти директора юношеской спортивной школы, человек поднялся на второй этаж. «Должны все-таки принять! — думал летчик.— Правда, Борька не особенный у меня геркулес... Ну, а я каким был в его годы? Помог же мне спорт пилотом стать!»

Он остановился в дверях маленькой комнаты. Седой сутуловатый мужчина, прижимая к груди растопыренную ладонь, говорил директору школы:

— И очень жалею, что всегда был далек от спорта! Весьма скорблю! А вот моя Ирина должна хорошенько, по-настоящему заняться легкой атлетикой!

— Поймите, профессор, что принять всех желающих мы не можем! — объяснял директор.— У нас отбор! Зачисляются только наиболее одаренные в спортивном отношении подростки.

— Позвольте! Но у себя в школе Ирина по физкультуре успевает, имеет значок «БГТО»... К вам она явилась не с одним лишь родительским благословением! У нее направление преподавателя физкультуры, согласие классной руководительницы...

У обоих отцов нашлось достаточно доводов, чтобы убедить директора принять их детей в спортивную школу. Борис стал учеником гимнастического отделения, Ирина — ученицей отделения легкой атлетики. Вместе с ними в юношескую спортивную школу Фрунзенского района Москвы пришли осенью еще 160 подростков.

Спортивные школы отделов народного образования — важное звено в системе физического воспитания советской молодежи. В обычных, общеобразовательных школах наши мальчики и девочки начинают заниматься физкультурой с первого класса. Лет с одиннадцати — двенадцати многим из них хочется уже заниматься спортом. Ну что ж! В таком случае можно вступить в школьный спортивный коллектив.

А еще через год — другой выясняется, что некоторые мальчики и девочки нуждаются в более серьезных занятиях легкой атлетикой, гимнастикой или другим видом спорта. И соревноваться-то им куда полезней с равными себе по силам! Все знают: есть в районе юношеская спортивная школа. Сюда и стремятся лучшие спортсмены-учащиеся.

В юношеской школе учатся не только легкой атлетике и гимнастике спортивной. Есть тут и отделения акробатики, велосипедного и конькобежного спорта, художественной гимнастики. И везде ученики с жадным интересом относятся к занятиям.

Учится в спортивной школе около 400 человек. Большинство из них составляет ядро физкультурного актива в своих школах. Это первые помощники преподавателей физкультуры на уроках, это члены советов спортивных коллективов и руководители секций.

Здесь школьники чувствуют себя первое время неловко. Оказалось, что здесь они вовсе не рекордсмены, а всего лишь группа новичков! Но зато заниматься тут куда труднее и интереснее. И какие теперь у них преподаватели! Вот, например, старший тренер Наталия Михайловна Поршнева. Она не только мастер спорта. В прошлом она выигрывала первенство Советского Союза по толканию ядра.

Тренеры внимательно приглядываются к новичкам. Опытный глаз Наталии Михайловны отметит, кто из девочек-легкоатлеток сможет стать хорошей метательницей, кто прыгуньей, у кого есть задатки для успехов на беговой дорожке. Способности каждой будут учитываться. Обратит внимание тренер и на недавно пришедшую в группу семиклассницу Ирину. Да, девочка угловата, движения ее плохо координированы, но зато сколько в ней упорства, настойчивости, горячего желания овладеть спортивной техникой! Если уделить Ирине побольше внимания, то и она сможет стать хорошей легкоатлеткой.

Конечно, результаты пребывания в спортивной школе начинают сказываться не с первого года обучения, а позже. Вот и минувшим летом 18 легкоатлеток выполнили спортивные нормы третьего и юношеского разрядов. Шура Кузьмина метнула копье дальше 29 метров, Инна Скобелева пробежала 400 метров за 68,2 секунды, Рита Лагиная прыгнула в длину на 4 метра 35 сантиметров...

Пятнадцатилетняя Таня Маланина из 34-й женской школы выглядит совсем еще девочкой. Ростом она не выше своих сверстниц. Но у нее уже выработались завидная резкость движений, отличный толчок в прыжке, умение переносить тело через планку. Таня берет высоту в 130 сантиметров. А это норма третьего спортивного разряда для взрослых, притом новая, повышенная норма.

— Движение ног должно быть более четким! — говорит тренер Володе Назарову.

Таня пробудет в спортивной школе еще два — три года. Она вырастет, окрепнет физически, отшлифует технику прыжка. И никого не удивит, если Маланина станет спортсменкой первого разряда. Многие выпускники школы этого уже добились.

Да, спортивное мастерство не приходит само собой, его нужно долго и упорно добиваться. Если юным легкоатлетам приходится десятки раз возвращаться к отработке старта в беге или толчка в прыжке, то, пожалуй, не меньше, а еще больше настойчивости, кропотливого труда требует от спортсменов каждый элемент гимнастики.

Вот одна из групп гимнастического отделения, которой руководит В. Л. Гемборик. Здесь юноши 15—17 лет. Идет тренировка в упражнениях на снарядах. Очередь Владимира Назарова, ученика 8-го класса 31-й школы. Толчок ногами — гоп! — и руки гимнаста легли на упругие параллельные брусья. Юноша раскачивается и стремительно взлетает в воздух. Володя делает стойку, обратный мах, соскок... Упражнение хорошо знакомо. И выполнил его Володя правильно, с нужным чередованием движений, правильно, но недостаточно четко. А ведь филигранная отделка каждой детали упражнения — один из отличительных признаков советской гимнастической школы.

Комсомолец Володя Назаров — сын работницы одного из московских заводов — начал заниматься спортом с десятилетнего возраста. Когда же мальчику исполнилось 12 лет, его направили в спортивную школу. За три года Володя добился здесь заметных успехов в гимнастике. Но он любит и плавать, ходить на лыжах, бегать на коньках, играть в баскетбол. Такие же разносторонние спортсмены — и многие его товарищи. Но все они справедливо считают, что гимнастика является матерью спорта.

Володя Назаров руководит в 31-й школе гимнастической секцией начинающих. Он старается передать товарищам все, чему сам недавно научился. Организаторами физкультурной работы в своих школах являются Анатолий Чижов, Валерия Найдич, Илья Ободовский, Наташа Середенко, Вадим Афонский, Таня Маланина, Юрий Коробков и многие другие.

Не слишком ли щедро отдает время спорту эта молодежь? Не мешает ли легкая атлетика изучению алгебры или физики? Не сказываются ли гимнастика и коньки на усвоении грамматических правил?

Нет. Прежде всего занятия в спортивной школе отнимают лишь четыре часа в неделю. Академически неуспевающих в спортивную школу не примут. Если же учащийся начнет отставать по какому-нибудь предмету, это сразу заметят. Табели с отметками систематически просматриваются тренерами. Получившему не только двойку, но и несколько троек запретят посещать занятия до тех пор, пока он не получит хорошие отметки.

Впрочем, такие случаи бывают редко. Обычно успевающие в спорте успевают и за партой. В прошлом году среди учеников спортивной школы был 41 десятиклассник. Восемнадцать из них получили аттестаты зрелости с золотыми и серебряными медалями.

Сейчас в юношеских спортивных школах столицы жаркая пора. И в залах и на свежем воздухе идут тренировки, соревнования, увлекательные и веселые игры. В школе Фрунзенского района приближается к тому же показательный вечер для родителей. Это — очень ответственное выступление. Конечно, за свои успехи надо отвечать и перед учителями и перед товарищами, но что там ни говори, а перед родителями ты в ответе прежде всего.

Мы убеждены, что на вечере для родителей летчик снова встретится с профессором. И, наверно, летчик обрадуется, увидав, каким ловким стал его Борис, а профессор, найдя эти же перемены в Ирине, опять посетует на то, что сам никогда не занимался спортом.

СПОРТ В ИТАЛИИ

В. ВАЛЕНТИНОВ

Буржуазный спорт в Италии проникнут духом наживы и делячества. Многие его виды находятся фактически в руках различных дельцов, плохо разбирающихся в специфике спорта, но зато хорошо знающих все финансовые комбинации, с помощью которых можно извлечь барыши и прибыли. Суммы, которыми ворочают спортивные бизнесмены, достигают больших размеров. Не случайно в один из итальянских университетов была представлена работа на соискание ученой степени под названием «О целесообразности создания в Италии спортивного банка».

Гонка вооружений, проводимая правительством де Гаспери, поглощает колоссальные средства. Не удивительно поэтому, что нынешнее итальянское правительство не проявляет никакой заботы о развитии спорта, о строительстве спортивных сооружений, в которых ощущается острый недостаток. Правительство де Гаспери не только не ассигнует средств на спорт, но само извлекает с помощью тотокальчио (итальянская разновидность тотализатора — денежной игры, заключающейся в угадывании результатов футбольных матчей) и налогов на спортивные мероприятия миллиарды лир. Так, в течение 1946—1951 гг., по официальным данным, отчисления от тотализатора и налоги дали правительству 45 миллиардов лир, что является значительной суммой.

В условиях массовой нищеты и безработицы широкие народные массы лишены возможности заниматься спортом, трудящиеся далеко не всегда имеют возможность даже посмотреть состязания. Чтобы попасть на встречу двух команд по футболу, высококвалифицированный рабочий (не говоря уже о молодежи) должен пожертвовать по крайней мере дневным заработком (800—1 000 лир), что, разумеется, не под силу рядовому труженику. Цена билетов на встречи ведущих команд нередко возрастает до 5 тысяч лир.

Объясняя причины столь высоких цен, один из видных итальянских демократических спортивных деятелей подчеркивал: «Зритель, наблюдающий футбольное состязание, который, как правило, играет к тому же на тотализаторе, платит за входной билет во много раз больше, чем он в действительности стоит. Уплачивая за билет и играя на тотализаторе, он не только содержит соответствующее спортивное общество (которое делает крупные сборы), но содержит также КОНИ (руководящий орган буржуазной спортивной организации) и Итальянскую футбольную федерацию и создает важную статью дохода для государства, которое расходует эти средства куда угодно, но только не на спорт».

Против дороговизны билетов на футбольные состязания выступил молодежный демократический журнал «Паттулья», предложивший снизить их стоимость для молодежи на 30 процентов. Некоторые спортивные общества, а также многие видные спортсмены, спортивные деятели и журналисты уже поддержали это предложение. Предложение «Паттульи» поддержал Итальянский союз народного спорта (ИСНС), который является демократической спортивной организацией, созданной более четырех лет назад. Только благодаря существованию этого Союза спорт становится достоянием тысяч простых людей — рабочих, крестьян, трудящейся молодежи. За четыре с лишним года Союз народного спорта вырос в массовую демократическую организацию, которая насчитывает в своих рядах несколько десятков тысяч спортсменов. Еще в сентябре 1948 года в городе Болонья был проведен первый всеитальянский чемпионат, в котором участвовало около двух тысяч молодых спортсменов — рабочих, служащих, студентов и крестьян.

Пользуясь поддержкой демократических организаций — Коммунистической и Социалистической партий Италии, Всеобщей итальянской конфедерации труда и других,— Союз народного спорта развернул широкую и активную деятельность по вовлечению трудящихся в занятия спортом. Сейчас Союз имеет свои филиалы почти во всех провинциях Италии.

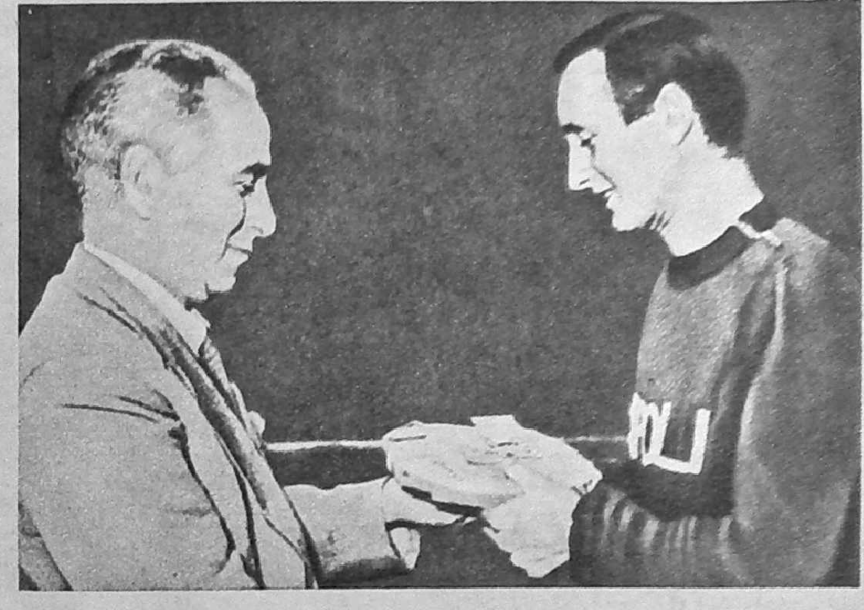
Основные виды спорта, которым Союз народного спорта уделял главное внимание,— это прежде всего наиболее распространенные и популярные в Италии футбол, а также велосипедные гонки, бег, прыжки, плавание, ходьба, катание на роликовых коньках, баскетбол и волейбол. Футбольные и велосипедные секции Союза имеются почти в каждом более или менее крупном населенном пункте, а в больших городах футбольные команды насчитываются десятками. Из зимних видов наибольшее внимание уделяется лыжам.

Ежегодно проводятся соревнования общеитальянского масштаба (первенств, розыгрышей кубков, различных призов) как по отдельным видам спорта, так и по нескольким сразу, в которых участвуют иногда сотни спортсменов. Областные и провинциальные комитеты Союза проводят соревнования в пределах своей области или провинции. На этих соревнованиях нередко показываются довольно высокие результаты.

Например, на областных соревнованиях Союза народного спорта в области Лацио были показаны относительно неплохие результаты (тем более, что их показали молодые спортсмены): в прыжках в высоту — 1 метр 70 сантиметров, в беге на 100 метров — 11,8 секунды.

В конце прошлого года в городе Сиена состоялся розыгрыш приза «Друзей газеты «Унита» (центральный орган Итальянской компартии), на который собралось около трехсот участников — финалистов областных и провинциальных состязаний, охвативших в целом около 70 тысяч юношей и девушек. Только по катанию на роликах состязалось около 50 спортсменов. Крупными спортивными мероприятиями был отмечен III конгресс Всеобщей итальянской конфедерации труда. Лучшие спортсмены Союза неоднократно участвовали в международных состязаниях, в частности в велогонках.

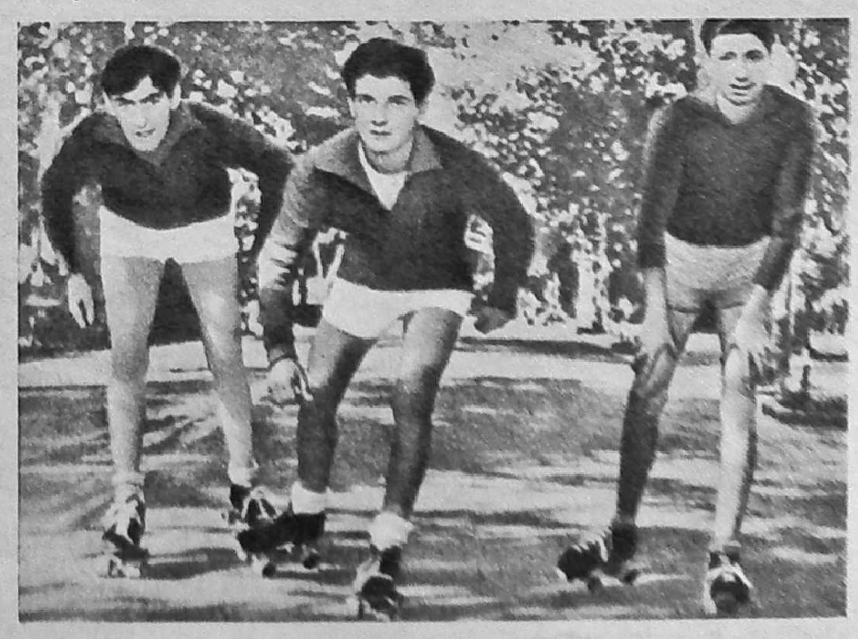
Союз народного спорта явился зачинателем и организатором движения за мир среди итальянских спортсменов, лучшие представители которых сыграли большую роль в сборе подписей сначала под Стокгольмским воззванием, затем под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Заместитель генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго вручает приз одному из победителей соревнований на приз «Друзей газеты «Унита».

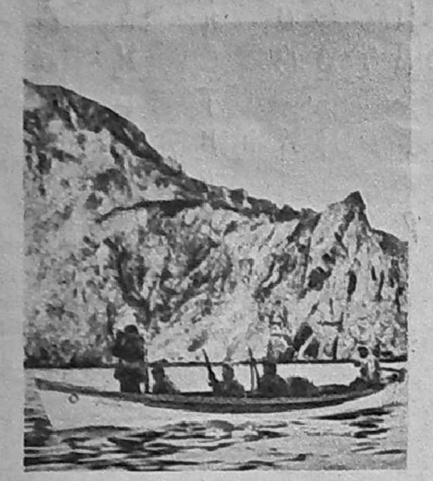
Момент игры женских баскетбольных команд.

Соревнование по бегу на роликовых коньках.

У охотников Севера

Передовая зверобойная бригада колхоза «Красная заря», которой руководит чукча Килеуте, выходит в море.

Чукча Ичель в мастерской.

Воды Чукотского и Берингова морей богаты морским зверем. Здесь водятся моржи, нерпы, лахтаки, киты.

Охота на моржей — один из основных видов промысла жителей побережья Чукотки.

Мясо моржа идет в пищу. Шкурка используется на выделку шорных изделий и для строительства жилищ. Жир — для отопления и освещения. Клыки моржа — ценный материал для чукотских костерезов, славящихся своим мастерством.

В осенние месяцы, когда вблизи берегов нет льдов, моржи устремляются к излюбленным местам — на лежбища.

На лежбища моржи собираются огромными массами. Вначале на берег вылезают самые смелые, за ними следуют все новые и новые группы. Многим приходится клыками отвоевывать себе место для сна.

Человек может приблизиться к лежбищу лишь с большими предосторожностями. Почувствовав запах человека, моржи быстро уходят в море.

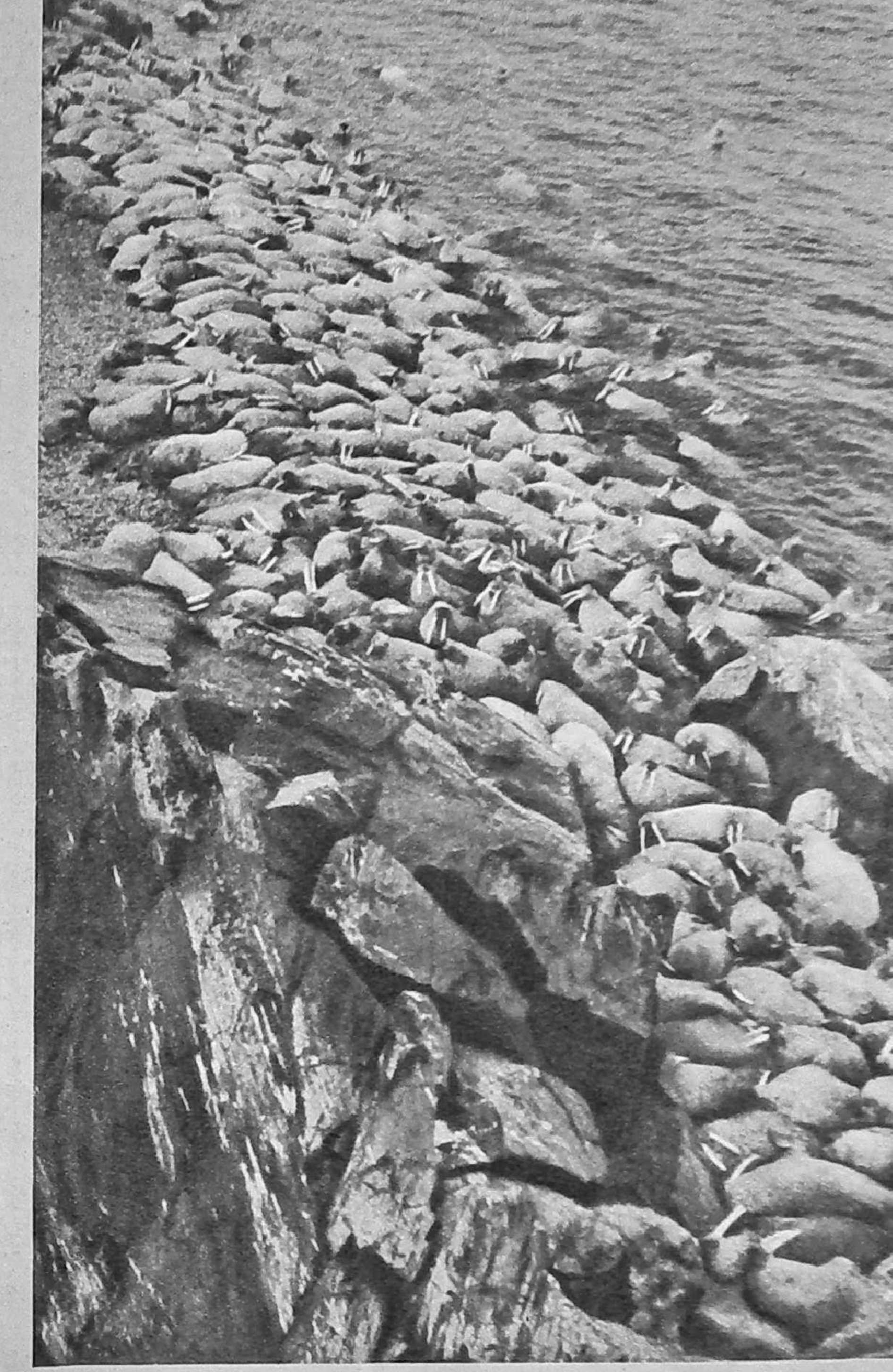
Чукотские зверобои занимаются и охотой на кита. Здесь попадаются киты-финвалы и другие.

Заметив кита, в погоню за ним отправляется несколько зверобойных бригад на вельботах. Охотники, вооруженные винтовками, по нескольку часов, а порой и сутками преследуют кита, который стремится спастись, меняя под водой направление. Но фонтанчик воды, появившийся на поверхности моря, выдает его местонахождение, и охотники открывают огонь по животному. Иногда приходится потратить несколько сот пуль, прежде чем раненый кит позволит подойти к нему на несколько метров, чтобы загарпунить его. Убитого кита буксируют к берегу, где его вытаскивают из воды всем селом.

В чукотской тундре можно встретить белого и голубого песцов, лисицу-огневку, лисицу-сиводушку и серебристо-черную, горностая, зайца-беляка.

Кинооператор В. ГУЛИН

Хабаровск.

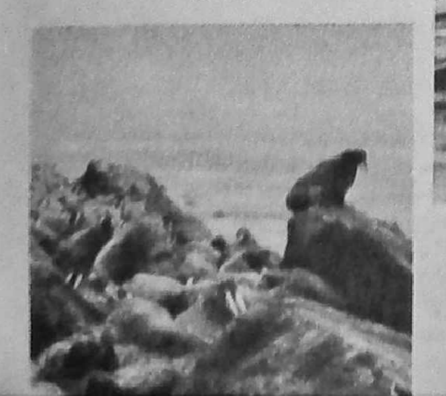

Лежбище моржей в районе мыса Дежнева, около села Инчоун.

Охотник колхоза «Красная заря» Эттивакат (слева) и охотник колхоза «Новая заря» Омрио сдают пушнину на заготовительную базу.

Один морж устроился на обломке скалы.

Охота на кита. На снимке запечатлен момент, когда гарпунер метнул гарпун в появившегося на поверхности воды раненого кита. Гарпун бросил бригадир эскимос Имекан.

Из почты «Огонька»

Гарм-Чашма

Всякий, кто впервые увидит эти фотоснимки, подумает, что жестокий мороз сковал воду и она застыла на поверхности утеса, образовав причудливые натеки льда.

На самом деле термометр, положенный на поверхность этого «льда», показывает 50—60 градусов тепла. Это горячий источник Гарм-Чашма, расположенный к югу от центра Горно-Бадахшанской автономной области, Таджикской ССР,— города Хорога — на высоте свыше 2 тысяч метров над уровнем моря.

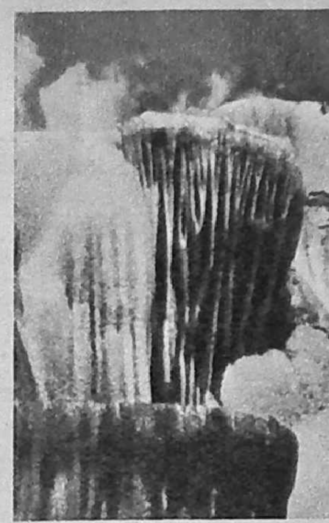
Вода Гарм-Чашма обладает высокими целебными свойствами. Сюда приезжают лечиться от различных болезней за многие километры.

Источник вытекает у подножья горы из гнейса. Террасами, одна над другой, расположены «ванны», наполненные горячей водой. Она испаряется, и над источником постоянно вьется облако пара.

Горячая вода, насыщенная углекислым и сероводородным газами, а также углекислыми солями, переливается из верхних ванн в нижние. Вода стекает по откосам всей горки, выделяя растворенные известняки, которые наслаиваются слой за слоем, как наплыв растопленной свечи.

Изливаясь из трещины, по обе стороны которой располагаются ванны, вода фонтанирует небольшими наклонными струями, высотой в

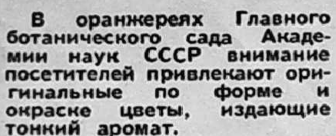
0,5—0,8 метра. Выделяя газ, она непрерывно бурлит, как бы кипит. Температура воды в верхних ваннах плюс 63 градуса по Цельсию. По мере стока она охлаждается до плюс 15—17 градусов.

Отложения туфа по склонам источника окрашены в различные цвета: белый, коричневый, оранжевый, серый. Преобладает белый туф, напоминающий мрамор.

К сожалению, дорога к этим источникам трудна, и поэтому они недоступны для массовых экскурсий.

Владимир РАЦЕК
г. Хорог (Памир).

ОРХИДЕИ

В оранжереях Главного ботанического сада Академии наук СССР внимание посетителей привлекают оригинальные по форме и окраске цветы, издающие тонкий аромат.

Одни из них точно причудливые бабочки, другие — как птицы, парящие в воздухе, третьи — как пауки, плетущие свою невидимую паутину. Это тропические орхидеи. В природе насчитывается около 20 тысяч видов орхидей, из которых до 90 процентов уроженцы тропиков. Остальные растут и на склонах высоких Альп, и близ границ вечных снегов, и на севере Сибири. У нас наиболее известны «Кукушкины слезки», «Любка душистая», «Ночная фиалка», «Башмачок пятнистый».

Тропические орхидеи на своей родине чаще всего растут на высоких деревьях, используя их как опору, не имея обычно связи с почвой. В утолщенных стеблях или клубнях они запасают влагу и питательные вещества на неблагоприятный период времени.

Орхидея Каттлея.
Фото Ф. Тимофеева.

Орхидеи — главным образом декоративные растения, но отдельные виды имеют и другое применение. Широко известно пряное растение — ванилла. Листья некоторых орхидей используются взамен чайных и в табачном производстве.

Орхидеи опыляются насекомыми, которых привлекают сильный запах и необычайно яркая окраска цветков, а также сладкий сок — нектар, — находящийся в особых трубчатых образованиях цветка — шпорцах. Опыление цветков мексиканских орхидей производят определенные виды пчел и крошечные птички — колибри. В оранжереях орхидеи опыляются искусственно.

Орхидеи очень трудно размножать семенами и легко — вегетативным путем (при помощи деления растений, черенками и отсадкой молодых отпрысков, образующихся на старых побегах). Однако в целях получения новых форм путем гибридизации необходимо овладеть семенным размножением.

Семена орхидей очень малы, они похожи на пыль. Для прорастания их в природных условиях и развития проростков требуется своеобразная среда: наличие особых грибков, нити которых должны проникнуть внутрь зародыша. В результате жизнедеятельности этих грибков трудно усвояемые зародышем питательные вещества (крахмал) превращаются в легко усвояемые (сахар). У взрослых орхидей нити грибка находятся в корнях.

Ученые доказали, что выращивать орхидеи из семян можно и без воздействия грибков, если семена проращивать на стерильных искусственных питательных средах, содержащих сахар и другие легко растворимые вещества.

В Главном ботаническом саду Академии наук СССР начаты работы по скрещиванию орхидей, получению семян и выращиванию их на искусственных питательных средах с целью получения отечественных сортов этих интересных растений.

В. СЕЛЕЗНЕВА,
В. ПОДДУБНАЯ-АРНОЛЬДИ,
доктор биологических наук.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Повторяющаяся единица стиха. 4. Затишье на море. 8. Военнослужащий. 13. Спортивная дорожка. 14. Механизм для подъема тяжестей. 15. Графические знаки для обозначения музыкальных тонов. 18. Злободневное, сатирическое произведение. 20. Отдел языкознания. 21. Инженер из романа А. Волошина «Земля Кузнецкая». 22. Возвращение на родину пленных. 26. Почва. 29. Совокупность всех звуков от низшего до высшего предела. 30. Локомотив. 32. Приток Иртыша. 33. Хлопчатобумажная ткань. 34. Животное из отряда грызунов. 37. Обеззараживание. 38. Жук. 39. Список учитываемых предметов.

По вертикали:

2. Упаковка. 3. Решение, постановление. 5. Народный артист СССР. 6. Композитор XIX века. 7. Декоративное растение. 9. Металлический стерженек. 10. Период каменного века. 11. Пряность. 12. Лошадь. 16. Порода собак. 17. Показ, смотр искусства. 19. Музыкальное произведение. 20. Большая книга. 23. Подставка для приборов. 24. Шерстяная ткань. 25. Горизонтальное перемещение геологического слоя. 26. Ягоды. 27. Астрономический прибор. 28. Водоем. 31. Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 35. Железнодорожное здание. 36. Персонаж из «Вишневого сада» А. П. Чехова.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 8

По горизонтали:

3. Лазарев. 7. Генералитет. 10. Сатирик. 12. Дельфин. 14. Ручей. 16. Салерно. 18. Синодал. 19. Архипелаг. 20. Юнга. 21. «Бесы». 22. Балалайка. 24. Сарафан. 25. Ориноко. 26. Физик. 28. Ливадия. 29. Ярмарка. 31. Серафимович. 32. Кошевой.

По вертикали:

1. Кашемир. 2. Перигей. 4. Агат. 5. Медиана. 6. Дельвиг. 8. Палеография. 9. Пиротехника. 11. Кулинария. 12. Делегация. 13. Васюган. 15. Кавычки. 17. Орлан. 18. «Садко». 22. Батарея. 23. Армавир. 26. Филатов. 27. Креозот. 30. Визе.

Их образ жизни

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ

Плод, который, по библейскому преданию, послужил причиной грехопадения прародителей человечества, был не яблоком, а бананом. Это важное «научное» открытие явилось темой диссертации, которую защищал в университете города Тюбинген (Западная Германия) некий немецкий «ученый».

Диссертация была написана... «по заказу» фирмы, изготовляющей банановые консервы.

(«Леттр франсэз»)

В этом номере помещены репродукции картин А. И. Корзухина «Птичьи враги», Н. М. Прянишникова «На пароме», В. Е. Маковского «Дети на реке», К. В. Лемоха «Где болтались?» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 01730. Подп. к печ. 24/II 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 158. Заказ № 232. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«Пора на вахту, Васька...» В кубрике рыболовного траулера «Капитан Демидов» (Баренцово море) во время смены вахт. Матрос И. Ф. Богданов собирается на работу, его товарищ Л. И. Танцерев отдыхает. Корабельный кот Васька, любимец команды, встречает и провожает моряков.

Фото Я. Рюмкина.

Цена 3 руб.